Z34
181

234 181

БАРОНЪ РОМАНЪ РОЗЕНЪ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА РОССІИ.

Довѣрительный меморандумъ составленный лѣтомъ 1912 года, въ предвидѣніи приближенія міровой войны и грозящей Россіи катастрофы, и сообщенный Правительству въ Октябрѣ того же 1912 года.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917 г.

234
181

БАРОНЪ РОМАНЪ РОЗЕНЪ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА РОССІИ.

Довѣрительный меморандумъ составленный лѣтомъ 1912 года, въ предвидѣніи приближенія міровой войны и грозящей Россіи катастрофы, и сообщенный Правительству въ Октябрѣ того же 1912 года.

242/3

ПЕТРОГРАДЪ.
1917 г.

Типографія А. Бенке, Новый пер., № 2.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
546631

Европейская политика Россіи.

Записка, составленная въ Сентябрѣ 1912 г.

Послѣ печальнаго исхода минувшей войны и всей нашей дальневосточной политики — прозванной авантюрою людьми, не отдающими себѣ отчета въ громадномъ значеніи для будущности Россіи ея дальневосточныхъ интересовъ, и заслужившей это прозвище исключительно потому, что она не была своевременно поддержана всѣми силами государства — въ общественномъ сознаніи повидимому укрѣпилась мысль о необходимости для Россіи снова искать центра нашихъ политическихъ интересовъ исключительно въ Европѣ.

Для правильной оцѣнки этой мысли, если предполагается положить ее въ основаніе будущаго направленія нашей политики, не мѣшаетъ, однако, обратиться къ исторіи нашихъ сношеній съ Европою и уяснить себѣ, каковы были результаты нашей европейской политики за послѣднія два столѣтія.

Пока европейская политика Россіи преслѣдовала однѣ лишь цѣли совершенно опредѣленныя, отвѣчавшія дѣйствительнымъ потребностямъ Государства и практически достижимыя, политика эта была вполнѣ успѣшною. Всѣ задачи, рисовавшіяся дальновидному генію Великаго Петра, осуществленіе которыхъ было имъ начато, были выполнены его державными преемниками Екатериною Великою и Александромъ Благословеннымъ: берега не только Финскаго залива и Балтики, но и Чернаго моря сдѣлались русскими и съ возвращеніемъ отторженныхъ Польшею областей съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, съ присоединеніемъ Финляндіи, Царства Польскаго и Бессарабіи Россія достигла, казалось бы, естественныхъ предѣловъ своего расширенія на Европейскомъ материкѣ, за исключеніемъ развѣ части Галиціи съ преобладающимъ населеніемъ малороссійскаго племени, отошедшей къ Австріи при раздѣлѣ Польши. Можно даже спорить о томъ, дѣйствительно ли соотвѣтствовало интересамъ Россіи совершившееся при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ включеніе въ предѣлы

Имперіи Царства Польскаго съ кореннымъ польскимъ населеніемъ. Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что дальнѣйшія земельныя пріобрѣтенія въ Европѣ, еслибы даже таковыя были практически осуществимы, были бы для Россіи лишь источникомъ слабости и быть можетъ грозили бы Имперіи распаденіемъ.

Послѣ славной отечественной войны и побѣдоноснаго похода русскихъ войскъ съ союзниками въ Парижъ, Россія заняла въ Европѣ до извѣстной степени доминирующее положеніе въ сонмѣ Континентальныхъ Державъ и сохраняла это положеніе до восточной войны 1854—55 гг. Такое положеніе Россіи въ Европѣ, какъ оно ни было лестно для нашего національнаго самолюбія, вовлекло насъ, однако, въ совершенно безполезныя для Россіи вмѣшательства во внутреннія дѣла разныхъ европейскихъ государствъ, въ не менѣе безполезное участіе въ Священномъ Союзѣ, въ безусловно вредную для русскихъ интересовъ Венгерскую кампанію и въ концѣ концовъ вызвало коалицію противъ Россіи западныхъ Державъ, зачатки которой, впрочемъ, были положены еще въ эпоху Вѣнскаго Конгресса.

Послѣ пораженія, нанесеннаго намъ этою коалицею въ Крыму, и обиднаго для достоинства Россіи Парижскаго мирнаго трактата въ нашей европейской политикѣ наступило нѣкоторое затишье, охарактеризованное Княземъ Горчаковымъ извѣстнымъ мѣткимъ выраженіемъ: la Russie ne boude pas, elle se recueille.

Съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія начинается увлеченіе нашего общественнаго мнѣнія, такъ называемыми историческими задачами Россіи на Ближнемъ Востокѣ и „великою славянскою идеею“, продолжающееся и понынѣ, при чемъ о сущности этихъ задачъ и этой идеи преобладали самыя туманныя представленія.

Одни усматривали главную задачу Россіи въ завладѣніи, если не Царьградомъ, то по крайней мѣрѣ проливами; другіе же видѣли и продолжаютъ видѣть главную историческую миссію Россіи не только въ освобожденіи балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига, но и въ огражденіи ихъ отъ напора германизма въ лицѣ Австріи и въ установленіи и поддержаніи нашего преобладающаго политическаго вліянія въ освобожденныхъ нами славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова.

Вліяніе этихъ идей, пропагандируемыхъ всею, почти безъ исключенія, нашею печатью на направленіе нашей политики сказалось въ слѣдующемъ:

Оно вовлекло насъ въ войну 1877—78 гг., доставившую русскому народу, помимо безплодной славы совершеннаго, безпримѣрно великодушнаго и безкорыстнаго братскаго подвига, одно лишь огорченіе разочарованія въ результатахъ, достигнутыхъ столь великими жертвами кровью и состояніемъ—разочарованія, въ свою очередь, создав-

шаго благопріятную почву для кровавыхъ всходовъ, обильно посѣянныхъ внутренними врагами Россіи сѣмянъ революціи.

Оно послужило источникомъ приписываемыхъ Россіи широковѣщательныхъ замысловъ въ связи то съ захватомъ проливовъ, то съ пугаломъ панславизма, возбуждая общее недовѣріе къ ея политикѣ, что и выразилось въ дружномъ отпорѣ, встрѣченномъ Россіею на Берлинскомъ Конгрессѣ.

Оно было причиною размолвки съ Германіею и заключенія австро-германскаго союза (какъ о томъ подробно повѣствуетъ Бисмаркъ въ своихъ, весьма откровенныхъ, „Мысляхъ и Воспоминаніяхъ“) и также расторженія союза трехъ Императоровъ, вполнѣ обезпечивавшаго безопасность нашей западной границы.

Оно побудило насъ къ заключенію союза съ Франціею, вовлекшаго насъ въ сферу совершенно чуждыхъ Россіи интересовъ французскаго реванша за Седанъ и отторженіе Эльзаса и Лотарингіи — и въ послѣднее время также и англо-германскаго антагонизма, на почвѣ которыхъ должна разыграться будущая европейская война.

Это вліяніе также было косвенною причиною нашего вооруженнаго столкновенія съ Японіею, потому что помѣшало намъ своевременно поддержать всѣми силами государства нашу дальневосточную политику, чѣмъ только и могло быть предотвращено это столкновеніе, и было одно изъ главныхъ причинъ нашего пораженія, потому что побудило насъ оставить наши лучшія войска въ бездѣйствіи на западной границѣ, пока наши резервныя войска подвергались разгрому въ далекой Маньчжуріи.

Наконецъ этимъ же вліяніемъ только и можетъ быть объясняема наша не вызванная никакой необходимостью попытка вмѣшательства въ вопросѣ объ аннексіи Австріею Босніи и Герцеговины, принципіально рѣшенномъ съ нашего же согласія еще во время Берлинскаго Конгресса, неудача каковой попытки нанесла чувствительную рану нашему національному самолюбію, при чемъ мы имѣли случай убѣдиться въ малой дѣйствительности поддержки довольно, повидимому, неохотно оказанной другими двумя Державами тройственнаго согласія, не говоря уже о прямомъ отказѣ Англіи отъ постановки на очередь возбужденнаго нами вопроса о проливахъ.

Въ виду серьезнаго по послѣдствіямъ вліянія, которое увлеченіе общественнаго мнѣнія такъ называемыми историческими задачами Россіи на Ближнемъ Востокѣ и „великою славянскою идеею“ оказывало и еще оказываетъ на направленіе нашей политики, надлежитъ выяснить въ какой мѣрѣ задачи эти дѣйствительно соотвѣтствуютъ интересамъ Россіи и вообще практически выполнимы, какъ равно и вопросъ о томъ, можетъ ли великая славянская идея служить путеводною звѣздою для нашей политики.

Обращаясь сначала къ выясненію этого вопроса, мы увидимъ, что великая славянская идея возникла около половины прошлаго столѣтія на почвѣ не политической, а чисто литературной, и что никто изъ поборниковъ этой идеи и понынѣ еще не былъ въ состояніи вывести ее изъ области мечтательнаго сентиментализма и облечь ее въ какія нибудь ясно опредѣленныя положенія, которыя могли бы служить основаніемъ для правильныхъ политическихъ расчетовъ. Поэтическія представленія о томъ идеальномъ будущемъ, когда „славянскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ“, какъ и современныя словоизліянія нашихъ писателей и ораторовъ изъ славянофильскаго лагеря о „мирно—культурномъ единеніи славянства подъ главенствомъ Россіи“, одинаково витаютъ въ области фантазіи и лишены всякаго реальнаго основанія. Всѣ же начинанія воодушевляющіяся подобными идеями, какъ напримѣръ, общеславянскій банкъ, выставки русскихъ товаровъ, книжные склады въ славянскихъ земляхъ и пр. либо вовсе не осуществляются, либо влекутъ жалкое существованіе. Впрочемъ неудача всякихъ попытокъ искусственнаго насажденія „культурнаго единенія“ (что бы ни подразумѣвалось подъ этимъ нѣсколько туманнымъ выраженіемъ) между Россіею и славянствомъ очевидно предрѣшена заранѣе уже потому одному, что такое „единеніе“ какъ оно ни представлялось бы желательнымъ съ точки зрѣнія идейной, не отвѣчаетъ никакимъ реальнымъ интересамъ ни Россіи, ни славянства.

На почвѣ матеріальной культуры, какъ Россія не нуждается въ славянствѣ, такъ и славянство не нуждается въ Россіи. Культура эта въ славянскихъ областяхъ Австріи стоитъ на уровнѣ нисколько не низшемъ, а въ Чехіи напримѣръ, быть можетъ и высшемъ чѣмъ въ Россіи. Въ славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова наша торговля и промышленность иначе какъ себѣ въ убытокъ не могли бы соперничать съ австрогерманскими, располагая громаднымъ домашнимъ рынкомъ сбыта охраняемымъ высокими покровительственными пошлинами; а для южнаго славянства торговыя сношенія съ сосѣднею Австро-Венгерскою Монархіею всегда будутъ и удобнѣе и выгоднѣе сношеній съ далекой Россіей.

Умственную же культуру балканскіе славяне (не говоря уже, конечно, объ австрійскихъ), не смотря на отчасти напускную „швабофобію“ несомнѣнно предпочитаютъ, какъ это, впрочемъ, и вполнѣ естественно, перенимать у западно-европейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ первоисточниковъ.

Но и на почвѣ чисто сентиментальной не можетъ быть рѣчи о единеніи славянства подъ главенствомъ Россіи, когда наиболѣе многочисленное и культурное изъ нерусскихъ славянскихъ племенъ, польское, проявляетъ, какъ и всегда проявляло, непримиримую вражду не только къ русской государственности, но и къ русскому народу. Что

касается будто бы неудержимыхъ симпатій австрійскихъ славянъ къ Россіи, то слишкомъ только ясно, что ихъ заигрыванія съ нами преслѣдуютъ лишь одну чисто эгоистическую цѣль, а именно: застращиваніемъ австрійскаго правительства пугаломъ панславизма подъ главенствомъ Россіи добиваться у него нужныхъ имъ уступокъ. А новѣйшей формаціи австрославизмъ, столь разочаровавшій нашихъ славянолюбцевъ, не есть, конечно, измѣна „общеславянскому дѣлу", существующему лишь въ воображеніи мечтательныхъ идеологовъ, а имѣетъ свое основаніе и оправданіе въ вѣрно понимаемыхъ австрійскимъ славянствомъ его собственныхъ реальныхъ интересахъ.

Постоянныя же наши заигрыванія въ печати и устами нѣкоторыхъ добровольцевъ политиковъ съ австрійскими славянами въ концѣ концовъ побудили въ свою очередь Австрію къ весьма для насъ нежелательному, если не опасному, заигрыванію съ нашими мазепинцами, украинофилами и прочими элементами, враждебными русской государственности и предательски мечтающими о расчлененіи Россіи.

Привязанность балканскихъ славянъ къ Россіи несомнѣнно отмѣчена большею искренностью. Но и она основана не столько на сознаніи племеннаго родства, сколько на чувствѣ признательности за оказанныя имъ Россіей столь безкорыстно великія благодѣянія и на ожиданіи дальнѣйшихъ. Да и эта привязанность имѣетъ свои предѣлы. Въ бытность его Посланникомъ въ Бѣлградѣ, автору этой записки не разъ приходилось выслушивать горькія сѣтованія всесербскихъ патріотовъ на Россію за предпочтеніе, оказанное ею на Берлинскомъ Конгрессѣ Болгарскимъ интересамъ и пожертвованіе сербскими въ угоду Австріи. Приходилось разъяснять имъ, что война за освобожденіе Болгаріи не могла быть предпринята Россіею если бы она себѣ не обезпечила впередъ нейтралитета Австріи, предоставленіемъ ей занятія Босніи и Герцеговины и что только благодаря этой войнѣ Сербія освободилась отъ васальныхъ отношеній къ Турціи, что, слѣдовательно, сѣтованія ихъ на Россію лишены всякаго разумнаго основанія. А Болгарія, только что нами освобожденная и призванная къ самостоятельной государственной жизни, сумѣла нашимъ попыткамъ использовать свое вліяніе въ какихъ то намъ самимъ не ясныхъ цѣляхъ, дать самый энергичный отпоръ и не задумалась искать опоры у нашихъ противниковъ. Было бы несправедливымъ видѣть въ этомъ проявленіе черствой неблагодарности со стороны народа, несомнѣнно, высоко цѣнящаго великое благодѣяніе, столь великодушно оказанное ему Россіею. Это было лишь проявленіемъ здороваго государственнаго инстинкта, или скажемъ даже эгоизма, ставящаго реальные политическіе интересы выше всякихъ сентиментальныхъ побужденій, которымъ болгарскій народъ одаренъ болѣе другихъ славянскихъ

племенъ и который сулитъ ему быть можетъ, владычество надъ Балканскимъ полуостровомъ.

Такова истинная картина русско-славянскихъ отношеній, какою она представляется въ глазахъ непредубѣжденнаго наблюдателя.

Наше общество вообще слишкомъ склонно придавать элементу расоваго или племеннаго родства значеніе, котораго онъ, какъ учитъ исторія, никогда не имѣлъ, да и не можетъ имѣть въ международной политикѣ. Въ этой склонности и въ привычкѣ нашего общества мѣшать область отвлеченныхъ идей и чувствъ симпатіи или антипатіи съ областью политики и кроется источникъ того гипноза, подъ которымъ оно находится, по отношенію къ „великой славянской идеѣ“, и того вліянія, которое эта идея оказываетъ на общепринятыя у насъ представленія о задачахъ нашей политики на Ближнемъ Востокѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о Царьградѣ и проливахъ, приходится отмѣтить, что, по наиболѣе распространенному у насъ мнѣнію, поддерживаемому всею, почти безъ исключенія, нашею печатью и при томъ съ особеннымъ усердіемъ наиболѣе вліятельной изъ нашихъ газетъ, главная задача Россіи на Ближнемъ Востокѣ заключается въ томъ, чтобы охранять балканскихъ славянъ отъ напора германизма въ лицѣ Австріи и всѣми силами препятствовать достиженію Австріею приписываемой ей завѣтной цѣли проникновенія къ Эгейскому морю, а въ этихъ видахъ, всячески стараться поддерживать и укрѣплять наше преобладающее политическое вліяніе въ славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова. Иными словами: Россія должна въ основаніе своей политики на Ближнемъ Востокѣ положить принципіально враждебное отношеніе къ Австріи и ея балканской политикѣ.

Мнѣніе это, поскольку оно вытекаетъ изъ заботъ объ интересахъ Россіи, требовало бы подкрѣпленія серьезными доводами въ доказательство того, что возможный успѣхъ напора германизма на балканскихъ славянъ и осуществленіе предполагаемыхъ замысловъ Австрійской балканской политики нанесли бы существенный вредъ этимъ интересамъ. Никакихъ, однако, подобныхъ доводовъ, помимо ссылокъ все на ту же великую славянскую идею, поборники этого мнѣнія не приводятъ, и въ отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ же собственно могъ бы заключаться этотъ вредъ для интересовъ Россіи, получился бы только одинъ отвѣтъ, а именно: что это нанесло бы окончательный ударъ престижу и вліянію Россіи какъ главенствующей славянской Державѣ въ славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова, которыя могли бы служить противовѣсомъ Австріи въ случаѣ столкновенія съ ней. На это можно возразить, что цѣну столь невѣсомымъ элементамъ, каковы „престижъ“ и „вліяніе“ мы узнали при первой же попыткѣ ихъ использовать въ Болгаріи въ нашихъ собственныхъ, хотя и не вѣрно понятыхъ

интересахъ, и что поддержка славянскихъ государствъ, къ тому же уравновѣшенная несомнѣнно существующимъ соглашеніемъ между Австріею и Румыніею, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія нашего съ сосѣднею Монархіею, едва ли имѣла бы особенно важное или даже рѣшающее значеніе. Разсужденіе это, впрочемъ, вращается въ какомъ то заколдованномъ кругу: мы должны противодѣйствовать австрійской балканской политикѣ, чтобы сохранить сочувствіе и обезпечить себѣ поддержку балканскихъ славянскихъ государствъ на случай войны съ Австріею, а между тѣмъ единственный предвидимый поводъ къ вооруженному столкновенію между Австріею и Россіею заключается именно въ нашемъ противодѣйствіи австрійской политикѣ на балканахъ.

Если, съ другой стороны, столь распространенное у насъ мнѣніе о нашихъ задачахъ на Ближнемъ Востокѣ вдохновляется не столько заботами объ интересахъ Россіи, сколько альтруистическими заботами объ интересахъ балканскихъ славянъ, то поборники этого мнѣнія совершенно упускаютъ изъ вида, что уже освобожденное цѣною русской крови несчастное населеніе Македоніи только потому было снова отдано на Берлинскомъ Конгрессѣ подъ турецкое владычество, что пугало панславизма, созданное благодаря приписываемымъ Россіи широковѣщательнымъ замысламъ на почвѣ „великой славной идеи“, вооружило противъ насъ не только Австрію, но и другія Европейскія Державы. Это несчастное населеніе, такимъ образомъ, сдѣлалось невинной жертвою русско-австрійскаго соперничества и недовѣрія къ намъ Европы, на почвѣ той самой идеи, которая, будто бы, должна служить путеводною звѣздою для нашей политики. Очевидно, что коренное улучшеніе участи этого населенія возможно лишь при условіи устраненія русско-австрійскаго антагонизма изъ за славянскаго вопроса, выросшаго у насъ на почвѣ вовсе не реальныхъ, а чисто идейныхъ, скажемъ прямо призрачныхъ интересовъ. Антагонизмъ же этотъ является причиною того опаснаго для насъ положенія вещей, при которомъ каждый разъ, когда начинаются волненія на Балканскомъ полуостровѣ, возникаетъ возможность вмѣшательства Австріи, какъ Державы по географическому своему положенію наиболѣе заинтересованной въ балканскихъ дѣлахъ, а для насъ возможность столкновенія съ нею и вовлеченія въ общеевропейскую войну.

Между тѣмъ, если отречься отъ поклоненія фетишу великой славянской идеи, вопросъ объ отношеніяхъ нашихъ съ Австріею сразу представится подъ совершенно инымъ угломъ зрѣнія.

Принимая за аксіому, что мы не только не стремимся къ отторженію Галиціи, или даже только части ея съ преобладающимъ населеніемъ малороссійскаго племени, которую еще Наполеонъ I предлагалъ намъ послѣ разгрома Австріи, но и вообще не питаемъ ка-

кихъ бы то ни было аггресивныхъ намѣреній, направленныхъ противъ сосѣдней Монархіи, вся цѣль нашей политики можетъ заключаться только въ томъ, чтобы поддерживать и укрѣплять возможно болѣе дружественныя съ ней отношенія, не менѣе важныя, чѣмъ такія же отношенія съ Германіею, для обезпеченія безопасности нашей западной границы. Въ этихъ видахъ, однако, намъ необходимо считаться съ естественными стремленіями нашей сосѣдки къ расширенію своей сферы вліянія. Невозможно вѣдь основывать раціональную политику на столь любезной нашимъ газетнымъ политикамъ теоріи, что у насъ однихъ имѣются законные интересы, а у сосѣдей нашихъ одни „аппетиты“ и „козни“. Австрія, какъ и Германія находится въ періодѣ роста и полнаго расцвѣта силъ, для избытка которыхъ ей нуженъ какой нибудь выходъ. Единственно для нея возможный выходъ указанъ ей самимъ географическимъ ея положеніемъ. Вытѣсненная Пруссіею изъ Германскаго Союза, она по этому весьма естественно обратила свои взоры на славянскій югъ. Это для нея тѣмъ болѣе естественно, что она, вѣдь, сама славянская держава—и намъ пора бы свыкнуться съ этой мыслію — теперь уже почти на двѣ третьихъ славянская и будетъ становиться тѣмъ болѣе таковой, чѣмъ больше славянскихъ элементовъ ей удастся включить въ свои предѣлы, или въ свою сферу вліянія. Поэтому такое направленіе австрійской политики несомнѣнно соотвѣтствуетъ интересамъ австрійскаго славянства. Наиболѣе прозорливые вожди австрославизма это очевидно прекрасно понимаютъ, чѣмъ и объясняется ихъ вполнѣ сочувственное отношеніе къ совершившейся аннексіи Босніи и Герцеговины. Стремленіе Австріи на славянскій югъ реальныхъ, не призрачныхъ, интересовъ Россіи нисколько не затрагиваетъ. Напротивъ того, если мы подозрѣваемъ Австрію въ аггрессивныхъ противъ насъ замыслахъ въ нашихъ интересахъ было бы не препятствовать ея движенію именно въ этомъ направленіи. На пути къ Эгейскому морю она встрѣтитъ достаточно заботъ и осложненій, чтобы побудить ее особенно цѣнить и культивировать дружественныя отношенія съ Россіею, для насъ чрезвычайно важныя въ связи съ другимъ еще вопросомъ не касающимся вовсе области Балканской политики.

Это вопросъ польскій. Пусть раздѣлъ Польши былъ преступленіемъ, какъ о немъ отзывался Императоръ Павелъ, но это историческій фактъ установившій между державами, соучастницами этого преступленія связь, нерушимость которой только можетъ обезпечить ихъ общій интересъ въ этомъ дѣлѣ. Австрія, правда, съумѣла, или скорѣе имѣла возможность, благодаря нѣкоторымъ особенностямъ ея государственной организаціи, вести въ доставшейся на ея долю Галиціи, такую политику, которая изъ австрійскихъ поляковъ сдѣлала самыхъ преданныхъ слугъ Габсбургской Монархіи, и, такимъ обра-

зомъ, приготовила себѣ оружіе, которымъ она могла бы воспользоваться противъ своихъ сообщницъ, особенно же противъ Россіи, въ случаѣ разрыва съ нею. Намъ не мѣшало бы помнить, что совладать съ польскимъ возстаніемъ, матеріально и нравственно поддержаннымъ Франціею и Англіею, намъ удалось сравнительно такъ легко лишь благодаря болѣе чѣмъ дружественному нейтралитету, отчасти даже косвенному содѣйствію Пруссіи и формальному, по крайней мѣрѣ, нейтралитету Австріи. Слѣдовательно, и съ этой точки зрѣнія должно бы быть очень желательно, чтобы Австрія была отвлечена заботами о своихъ балканскихъ интересахъ отъ возможныхъ интригъ на почвѣ польскаго вопроса. Нельзя при этомъ не обратить вниманія и на то обстоятельство, что съ признаками обостренія нашихъ отношеній съ Австріею обыкновенно совпадаетъ возрожденіе польскаго шовинизма.

Обращаясь теперь къ другой, якобы исторической задачѣ Россіи на Ближнемъ Востокѣ, приходится прежде всего отмѣтить, *что приписываемые намъ на почвѣ этой задачи замыслы касательно Константинополя и проливовъ были коренною причиною того антагонизма, который то скрыто, то явно вліялъ на англо-русскія отношенія въ теченіе теперь уже почти столѣтія, который, вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ нашей политикѣ всей почти Европы, ввергъ насъ въ вооруженную борьбу съ цѣлой коалиціею, окончившуюся нашимъ пораженіемъ, и, наконецъ, помѣшалъ намъ завершить предпринятое нами освобожденіе балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига.*

Несмотря на явную неосуществимость такихъ замысловъ—осуществленіе которыхъ, впрочемъ, если бы оно было возможнымъ, было бы началомъ распаденія Россійской Имперіи—смутная идея о необходимости для Россіи стремиться къ завладѣнію Царьградомъ и проливами, или хотя бы однимъ Босфоромъ, какъ ключемъ къ нашему дому, который намъ слѣдуетъ положить себѣ въ карманъ, продолжаетъ вліять на умы въ Россіи.

Не менѣе лишенная разумнаго основанія идея, что завладѣніе нами проливами, какъ ключемъ къ Средиземному морю, обратило бы это море въ русское озеро и представляло бы серьезную угрозу безопасности сообщеній Англіи съ ея Индійской имперіею, гипнотически вліяла и, повидимому еще продолжаетъ вліять на общественное мнѣніе Англіи, о чемъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что Лондонскій кабинетъ не счелъ возможнымъ согласиться на наше предложеніе поставить на очередь вопросъ о проливахъ, ссылаясь на то, что общественное мнѣніе страны еще недостаточно подготовлено къ измѣненію традиціонной политики Англіи въ желаемомъ нами смыслѣ.

Названіе „исторической“, обыкновенно присвоиваемое именно этой якобы задачѣ Россіи, также лишено всякаго основанія, если не

считать таковымъ легендарный походъ на Царьградъ Олега. Ни Петръ Великій, ни Великая Екатерина никогда не преслѣдовали подобной химеры. Эти великіе Монархи ставили себѣ лишь задачи практически осуществимыя и выполнили ихъ, покрывъ русское оружіе неувядаемою славою. Екатерина Великая, едва ли когда либо и мечтала о завладѣніи Константинополемъ, ея воображенію рисовалось лишь возстановленіе Византійской Имперіи подъ скипетромъ Русскаго Великаго Князя,— знаменитый „греческій проектъ".

Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что съ нашей стороны было политическою ошибкой, что мы воздержались отъ *временнаго* занятія Константинополя, вполнѣ возможнаго когда наши побѣдоносныя войска стояли подъ его стѣнами. Торжественное вступленіе въ Царьградъ было бы трофеемъ, вполнѣ заслуженнымъ нашими геройскими войсками, послѣ неимовѣрныхъ трудностей зимняго перехода черезъ Балканы и столь блестяще оконченной кампаніи, начавшейся съ тяжкихъ пораженій. Вмѣстѣ съ тѣмъ это дало бы справедливое удовлетвореніе національной гордости Русскаго народа и вызванный этимъ подъемъ духа, быть можетъ, предупредилъ бы тотъ опасный припадокъ унынія, въ который впало русское общество, вслѣдствіе общаго разочарованія въ результатахъ войны, стоившей Россіи столь великихъ жертвъ.

Что же касается вопроса собственно о проливахъ, то пора бы разстаться съ мыслію, что они являются „ключемъ отъ нашего дома". Это лишь одна изъ тѣхъ ничего ясно опредѣленнаго не выражающихъ фразъ, которыя, повторяемыя милліонами людей, безъ углубленія въ истинный ихъ смыслъ, въ концѣ концевъ пріобрѣтаютъ просто гипнотическое вліяніе на умы. Въ дѣйствительности эти проливы столь же мало могутъ считаться ключемъ отъ нашего дома, какъ и Зундскій проливъ, открывающій доступъ въ Балтійское море. Къ тому же въ Черномъ морѣ превосходство морскихъ силъ, пока еще принадлежитъ намъ, между тѣмъ какъ въ Балтійскомъ морѣ оно уже перешло, быть можетъ, даже безповоротно, къ сосѣдней Державѣ, которая, по силѣ своихъ морскихъ вооруженій, считается второй морской Державой Европы. Свобода проливовъ для военнаго флота въ мирное время, конечно, представляла бы ту выгоду, что давала бы намъ возможность переводить, смотря по надобности, Балтійскій флотъ въ Черное Море или Черноморскій въ Балтійское, или на Дальній Востокъ. Но при громадныхъ разстояніяхъ, отдѣляющихъ эти моря, это не имѣло бы большого практическаго значенія. Изъ послѣдней войны мы, вѣдь, могли вынести урокъ, что флотъ долженъ имѣть постоянное пребываніе тамъ, гдѣ онъ можетъ быть нуженъ въ критическій моментъ. Въ военное же время выходъ изъ Чернаго Моря всегда можетъ быть закрытъ блокадой Дарданеллъ флотомъ Державы, располагающей превосходствомъ морскихъ силъ. Такимъ образомъ, весь этотъ вопросъ

едва ли имѣетъ то значеніе, которое ему приписываютъ. Впрочемъ, мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что Англія, несмотря на наши установившіяся дружественныя отношенія и на безмысленность ея оппозиціи нашимъ желаніямъ, тѣмъ не менѣе, никогда не согласится на измѣненіе въ смыслѣ этихъ желаній установленнаго трактатами принципа закрытія проливовъ *).

Наконецъ, завладѣніе проливами съ цѣлью удержанія ихъ за нами—предполагающее, впрочемъ, обстоятельную ликвидацію наслѣдства „больного человѣка“, несомнѣнно вызвала бы самое серьезное противодѣйствіе другихъ Державъ, въ томъ числѣ и Болгаріи, претендующихъ на участіе въ раздѣлѣ этого наслѣдства. Возможно ли вообще, съ точки зрѣнія стратегической, и если возможно, то цѣною какого напряженія всѣхъ силъ Государства, было бы удержаніе и обезпеченіе за нами этой отдаленной позиціи, — это вопросъ, разрѣшеніе котораго должно быть предоставлено всецѣло единственно компетентнымъ въ этомъ отношеніи военнымъ авторитетамъ. Вѣдь столь популярныя у насъ разсужденія на тему о „необходимости для Россіи завладѣть проливами“ и т. д., повторяются тысячами людей не дающими себѣ труда, или не имѣющими возможности всесторонне уяснить себѣ, не только вопросъ о возможности вообще выполненія этой якобы важнѣйшей задачи нашей политики, но и вопроса о томъ, куда повело бы Россію, еслибы то было возможнымъ, осуществленіе ихъ завѣтной мечты.

Существенный, однако, интересъ Россіи—и не только Россіи, но и всѣхъ Державъ, ведущихъ торговлю въ Черномъ морѣ—заключается въ томъ, чтобы проливы всегда, и въ мирное и въ военное время, оставались свободными для торговаго мореплаванія, что могло бы быть достигнуто лишь путемъ нейтрализаціи ихъ, на подобіе нейтрализаціи Суэзскаго канала, подъ гарантіею всѣхъ Великихъ Державъ. Только такая гарантія, обезпечивающая безопасность столицы, могла бы побудить Порту отказаться отъ своего неоспоримаго права въ цѣляхъ самозащиты, запирать и минировать проливы, какъ она вынуждена была это сдѣлать въ виду демонстраціи Итальянскаго флота, предпринятой, быть можетъ, не безъ задней мысли, побудить Россію, какъ наиболѣе страдающую отъ закрытія проливовъ Державу къ активному, вмѣшательству въ турецко-итальянскую распрю.

---

*) Это было написано за три года до того что состоялось извѣстное соглашеніе о будущемъ раздѣлѣ Оттоманской Имперіи, на которое союзники наши пошли очевидно лишь потому, во-первыхъ, что требовалось предоставить нашей дипломатіи хотя бы видимость оправданія передъ русскимъ народомъ политики навлекшей на Россію катастрофу этой войны; и, во-вторыхъ, что фактическое осуществленіе этого соглашенія должно было представляться болѣе чѣмъ гадательнымъ.

Если авторъ этой записки такъ подробно останавливается на выясненіи призрачнаго, по его мнѣнію, характера интересовъ, связанныхъ съ великою славянскою идеею и ходячимъ представленіемъ объ историческихъ задачахъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ, такъ это потому, что въ виду предположеннаго перенесенія центра нашихъ политическихъ интересовъ въ Европу и въ виду несомнѣннаго вліянія, которое въ прошедшемъ общественныя настроенія оказывали на направленіе нашей политики, вопросы эти пріобрѣтаютъ большое и, по его убѣжденію, тревожное значеніе, именно въ настоящее время, когда на Балканскомъ полуостровѣ готовятся событія, чреватыя самыми, быть можетъ, серьезными послѣдствіями.

Сама по себѣ эта „сдвижка“ центра нашихъ политическихъ интересовъ предвѣщаетъ весьма нежелательное ослабленіе вниманія къ наиболѣе важной, несомнѣнно лежащей на насъ задачѣ, возстановленія, по мѣрѣ возможности, нашего утраченнаго положенія въ Азіи, при томъ утраченнаго, помимо другихъ причинъ, именно вслѣдствіе нашей озабоченности конъюнктурами европейской политики въ связи съ системою союзовъ, въ которыхъ мы участвуемъ.

Нельзя, конечно, отрицать той несомнѣнной истины, что русская государственность сложилась на берегахъ Днѣпра и Москвы рѣки, а не на берегахъ Чернаго Иртыша. Но дѣло не въ томъ, гдѣ сложилась русская государственность, а въ томъ, въ какомъ направленіи ей суждено развиваться и расширяться и куда Россію толкаетъ стихійная сила ея географическаго положенія и стихійное движеніе самого русскаго народа.

Въ нашъ вѣкъ, когда передовые народы Европы, стѣсненные въ своихъ географическихъ предѣлахъ, ожесточенно борются за обладаніе колоніями и пріобрѣтеніемъ новыхъ рынковъ и поприщъ для приложенія избытка своихъ силъ и предпріимчивости, Россія поставлена въ исключительно благопріятныя условія. Въ своемъ Сибирскомъ Царствѣ, постепенно завоеванномъ отнюдь не дальновидной политикой ея правителей, а именно стихійнымъ движеніемъ самого русскаго народа, Россія обладаетъ неистощимымъ еще на долгое время земельнымъ запасомъ, богато одареннымъ природою и плодородіемъ и неисчислимыми богатствами въ нѣдрахъ земли, и достаточнымъ для разселенія не одной сотни милліоновъ грядущихъ поколѣній русскихъ людей. Жизнь государствъ и народовъ исчисляется не годами, а столѣтіями и беречь это Сибирское Царство, какъ зѣницу ока своего и пещись неусыпно о его интересахъ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ составляетъ священнѣйшій долгъ Россіи. Дальновидной политикѣ перваго Русскаго Самодержца, имѣвшаго возможность лично ознакомиться со своимъ Сибирскимъ Царствомъ и проникнуться сознаніемъ важнѣйшаго его значенія для будущности Россіи, удалось

пріобрѣсти для Россіи выходъ къ незамерзаемому морю. Оставалось закрѣпить за Россіею занятое ею на Дальнемъ Востокѣ блестящее положеніе, что было вполнѣ возможно, безъ всякаго риска войны съ Японіею, по соглашенію, предложенному ею же намъ еще въ 1898 году черезъ посредство пишущаго эти строки, цѣною лишь предоставленія Японіи полной свободы рукъ въ Кореѣ. Но соглашеніе съ Японіею было отвергнуто. Большая часть военныхъ силъ нашихъ, одного присутствія которыхъ было бы достаточно, чтобы предупредить войну, было спѣшно отозвано изъ занятой нами Маньчжуріи, Портъ Артуръ остался не укрѣпленнымъ и необорудованнымъ и политика, которая если бы была своевременно поддержана всѣми силами государства, могла составить одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ русской исторіи, потерпѣла крушеніе и вмѣстѣ съ нею рушились дотолѣ недосягаемое обаяніе русской силы и слава русскаго оружія. Если политика Монарха не встрѣтила ни сочувствія общественнаго мнѣнія, относившагося къ ней или равнодушно, или прямо враждебно, ни единодушной поддержки даже ближайшихъ совѣтниковъ Короны, то это объясняется не только неосвѣдомленностью нашего общественнаго мнѣнія и непониманіемъ имъ всей важности нашихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, но несомнѣнно, главнымъ образомъ, переобладаніемъ у насъ идеи, что единственные жизненные интересы Россіи сосредоточены въ Европѣ, т. е. на Ближнемъ Востокѣ, и озабоченностію, какъ выше сказано, конъюнктурами европейской политики въ связи съ нашими союзными отношеніями, быть можетъ даже сопряженными съ обязательствомъ держать главныя наши военныя силы наготовѣ на западной границѣ.

Какими, однако, воистину ничтожными, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы утратили на Дальнемъ Востокѣ, представляются интересы, связанные съ вопросомъ, напримѣръ, о превращеніи Австріею въ формальную аннексію своего давнишняго, освященнаго Берлинскимъ трактатомъ фактическаго владѣнія Босніею и Герцеговиною, или о постройкѣ Австріей желѣзной дороги черезъ Санджакъ на соединеніе съ Салониками, или же дунайско-адріатической дороги, долженствовавшей служить противоядіемъ противъ такого австрійскаго коварства и т. д.

А между тѣмъ изъ-за подобныхъ интересовъ волновалось общественное мнѣніе Россіи, предпринимался впередъ обреченный на неудачу дипломатическій походъ и только твердое волеизъявленіе Монарха спасло ее въ критическій моментъ отъ вовлеченія въ вооруженное, быть можетъ, роковое столкновеніе съ нашими западными сосѣдями. Несомнѣнно также, что разумная политика не должна и не можетъ стремиться къ завладѣнію чужою территоріею только потому, что такое завладѣніе въ данный моментъ можетъ совершиться безъ

особеннаго риска. Въ теоріи этотъ принципъ безусловно правиленъ; онъ и былъ выставленъ противниками присоединенія къ нашимъ владѣніямъ завоеванной нами въ 1900 году Маньчжуріи. Тогда возобладало мнѣніе, что мы можемъ довольствоваться завладѣніемъ Маньчжуріею мирно-культурными средствами: желѣзными дорогами, русско-китайскимъ банкомъ и т. д. не затрагивая суверенитета Китая, за изъятіемъ лишь, такъ называемой „полосы отчужденія" Восточно-Китайской желѣзной дороги. Этимъ способомъ предполагалось вполнѣ обезпечить громадные интересы, которые мы создали въ этой Китайской провинціи, истративъ на это сотни милліоновъ достоянія русскаго народа. Послѣдствіемъ усвоенія этого взгляда было удаленіе изъ Маньчжуріи большей части нашихъ войскъ, чѣмъ мы сами пріуготовили для японцевъ богатѣйшую добычу, которая для нихъ должна была быть тѣмъ большею приманкою, что они изъ такого нашего образа дѣйствій могли убѣдиться въ отсутствіи у насъ твердаго намѣренія отстоять свои интересы съ оружіемъ въ рукахъ. Добыча эта имъ и досталась. Но намъ все же удалось спасти хоть часть нашего достоянія, закрѣпленіе которой за нами, казалось бы, должно быть первою нашею заботою, не говоря уже о томъ, что, въ „полосѣ отчужденія" за короткое время нашего полновластнаго хозяйничанія въ Маньчжуріи, успѣлъ вырости цѣлый русскій городъ Харбинъ съ чуть ли не 20 тысячнымъ населеніемъ, который никоимъ образомъ не можетъ быть оставленъ подъ хотя бы даже лишь фиктивнымъ суверенитетомъ Китая.

Впрочемъ, каковы бы ни были наши намѣренія, ясно одно, что, въ виду развала Китайской государственности, попытки отложенія отъ Китая Монголіи и предстоящаго въ ближайшемъ будущемъ поднятія Японіею маньчжурскаго вопроса, по поводу истеченія срока переуступленной нами аренды Ляодунскаго полуострова, намъ предстоятъ задачи величайшей важности для будущности Россіи. Задачи эти несомнѣнно достойны самаго полнаго нашего вниманія и для удовлетворительнаго разрѣшенія ихъ болѣе чѣмъ желательно, чтобы мы не были связаны какими бы то ни было компликаціями европейской политики.

Возвращаясь, послѣ этого краткаго отступленія, вызваннаго неотвязчивымъ воспоминаніемъ о недавнемъ печальномъ прошломъ, къ задачѣ, которую себѣ поставилъ авторъ этой записки—выясненію несостоятельности популярныхъ у насъ представленій о задачахъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ и несоотвѣтствія истиннымъ интересамъ Россіи той группировки Державъ, въ которой мы участвуемъ, надлежитъ, прежде всего, отвѣтить на вопросъ: въ чемъ же заключаются истинные интересы Россіи на Ближнемъ Востокѣ.

Интересы эти заключаются въ томъ, во первыхъ, чтобы великое дѣло освобожденія балканскихъ народностей отъ турецкаго ига, за

которое уже пролито столько русской крови, не потерпѣло крушенія при наступившемъ нынѣ кризисѣ, и въ томъ, чтобы это дѣло на этотъ разъ было довершено, не вынуждая Россіи къ новому обнаженію меча, и, наконецъ, въ томъ, чтобы, такимъ образомъ, Балканскій полуостровъ пересталъ быть очагомъ постоянныхъ смутъ и источникомъ тревогъ, періодически волнующихъ всю Европу, а для насъ постоянною угрозою осложненіями, могущими вовлечь насъ въ вооруженное столкновеніе съ Австріею и, слѣдовательно, въ общеевропейскую войну.

Этимъ, слѣдовательно, и опредѣляется истинная задача нашей политики на Ближнемъ Востокѣ. Задача эта встаетъ передъ нами во всей своей грозной важности въ настоящій моментъ, когда жребій войны брошенъ и отъ исхода ея зависитъ судьба Балканскаго полуострова. Ясно, однако, что эта задача не можетъ быть разрѣшена соглашеніями о поддержаніи status quo и неприкосновенности суверенитета Султана, потому что именно этотъ status quo и является коренною причиною постоянныхъ смутъ на Балканскомъ полуостровѣ и потому, что Балканскія государства теперь уже сообща отказались дальше мириться съ нимъ и приносить свои жизненные интересы въ жертву принципу, установленному Великими Державами, исключительно ради прикрытія соперничествъ ихъ раздѣляющихъ.

Ясно также, что эта задача неразрѣшима, пока мы будемъ держаться традиціоннаго отношенія къ балканской политикѣ Австріи, потому что ея оппозиція освободительнымъ стремленіямъ балканскихъ народностей проистекаетъ именно изъ опасеній, внушаемыхъ ей нашей традиціонной славянской политикой.

Наступившій же нынѣ балканскій кризисъ, пріобрѣтаетъ особенно опасный для Европы и спеціально для Россіи характеръ, въ связи съ существующей системою союзовъ по причинамъ, изложеннымъ ниже.

Если присмотрѣться къ современному состоянію Европы, то нельзя не признать, что Великія Державы раздѣлены на два лагеря, принципіально другъ другу враждебные, сколько бы оффиціально ни утверждалось противное.

Въ числѣ мотивовъ такой враждебности, на первомъ планѣ стоитъ непримиримый франко-германскій антагонизмъ, на почвѣ французской идеи реванша за Седанъ и отторженіе Эльзаса и Лотарингіи.

Къ этому мотиву присоединился въ послѣдніе годы еще другой, въ видѣ англо-германскаго антагонизма на почвѣ колоніальнаго и торгово-промышленнаго соперничества и соревнованія въ увеличеніи морскихъ вооруженій.

Оба эти мотива очевидно совершенно чужды жизненнымъ интересамъ Россіи.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
546631

То же можно сказать и про третій мотивъ, *русско-австрійскій антагонизмъ на почвѣ нашихъ чисто идейныхъ славянскихъ интересовъ, ни въ чемъ не затрагивающихъ реальныхъ интересовъ Россіи. устраненіе этого антагонизма въ нашей власти. Если же онъ устраненъ не будетъ, то намъ слѣдуетъ ожидать, что именно на этой почвѣ въ ближайшемъ, вѣроятно, будущемъ завяжутся осложненія, которыя поведутъ къ кровавой развязкѣ европейской драмы, въ каковой развязкѣ намъ, по неумолимой логикѣ событій, придется принять участіе несмотря на самое искреннѣйшее наше миролюбіе.*

Раздѣленіе Европы, благодаря существующей системѣ союзовъ, на два враждебныхъ другъ другу лагеря вызываетъ необходимость для обѣихъ сторонъ, все увеличивающихся, достигшихъ уже колоссальныхъ размѣровъ, вооруженій, обусловливающихъ въ свою очередь соотвѣтствующее увеличеніе тяжести налоговаго бремени для народовъ въ этой системѣ союзовъ участвующихъ. Вооруженія эти, сами по себѣ уже представляютъ весьма серьезную опасность потому, что использованіе ихъ рано или поздно должно сдѣлаться желательнымъ для той или другой стороны. Возрастающая же тяжесть налоговаго бремени, несомнѣнно, является одною изъ причинъ замѣчаемаго вездѣ въ народныхъ массахъ глухого чувства, недовольства существующимъ соціальнымъ строемъ, которое создаетъ нравственную атмосферу, столь благопріятную для процвѣтанія и поразительно быстраго роста, самаго грознаго явленія нашего времени — революціоннаго соціализма, одинаково угрожающаго всѣмъ государствамъ цивилизованнаго міра, да и всей вообще современной цивилизаціи человѣчества бѣлой расы.

Сторонники нынѣшней системы союзовъ увѣряютъ, что она необходима, потому что установившееся, благодаря существованію этихъ союзовъ, *равновѣсіе силъ служитъ лучшимъ обезпеченіемъ міра.*

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько подобныя увѣренія могутъ быть искренними, нельзя, однако, не признать, что имъ *противорѣчитъ фактъ постояннаго возрастанія вооруженій, которое не имѣло бы смысла, если бы не должно было служить приготовленіемъ ко всѣми ожидаемой войнѣ.*

Самая идея о необходимости равновѣсія силъ для обезпеченія мира, очевидно предполагаетъ присутствіе среди Державъ такого элемента, который составляетъ постоянную угрозу европейскому миру.

Друзья Франціи видятъ этотъ элементъ въ приписываемомъ Германіи стремленіи къ „гегемоніи“ въ Европѣ, что бы ни подразумѣвалось подъ этимъ достаточно неопредѣленнымъ терминомъ, Германія же считаетъ такимъ элементомъ французскую идею реванша за Седанъ и отторженіе Эльза и Лотарингіи.

Если теперь мы обратимся къ исторіи послѣднихъ сорока лѣтъ, то мы увидимъ, что въ теченіе перваго двадцатилѣтія, послѣ франко-прусской войны европейскому миру ни со стороны Германіи, ни со стороны Франціи ничто не угрожало. Инцидентъ 1875 года достаточно уже освѣщенъ исторіею, чтобы установить истинный его характеръ искусно подстроенной и инсценированной политической интриги, имѣвшей цѣлью разстроить дружественныя отношенія Россіи съ Германіею. То была эпоха, когда, при обезсиленномъ и изолированномъ положеніи Франціи, Германія, сначала одна, а затѣмъ въ союзѣ съ Австріею и наконецъ и съ Италіею, располагала безпорнымъ превосходствомъ силъ, и когда идея французскаго реванша по необходимости оставалась въ области мечтаній, о которыхъ, по выраженію Гамбетты „надобно всегда думать, но говорить никогда не слѣдуетъ".

Оживленіе этой идеи реванша явилось со вступленіемъ Франціи въ союзъ съ Россіею главнымъ мотивомъ къ заключенію котораго, очевидно, съ ея стороны и служила эта идея.

Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно обострился и франко-германскій конфликтъ интересовъ. Германія считаетъ своимъ главнымъ жизненнымъ интересомъ сохраненіе цѣлости ново созданной Германской Имперіи въ нынѣшнемъ составѣ со включеніемъ Эльзаса и Лотарингіи, Людовикомъ XIV отторженныхъ отъ Германіи и возвращенныхъ ей какъ результатъ побѣдоносной войны 1870—71 гг.; Франція же отказывается признать Франкфуртскій миръ окончательно и безповоротно установившимъ границу между обѣими Державами и считаетъ идею реванша и возврата отторженныхъ отъ нея областей такимъ національнымъ идеаломъ, отъ преслѣдованія котораго французскій народъ безъ потери самоуваженія отказаться не можетъ. Такой коренной конфликтъ разрѣшимъ только двумя путями: либо отказомъ той или другой стороны отъ своихъ притязаній, на что, очевидно, расчитывать совершенно невозможно, либо новою войною за обладаніе Эльзазомъ и Лотарингіею.

Но конфликтъ этотъ—*истинный источникъ тревожнаго состоянія Европы* — могъ оставаться хроническимъ, не угрожавшимъ непосредственною опасностью кровавой развязки, пока, при явномъ превосходствѣ силъ одной стороны, для сильнѣйшей стороны война была ненужною, а для слабѣйшей была невозможною. Установленіе же равновѣсія силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановило и потенціальную возможность войны между обѣими Державами. Изъ этого логически возможенъ одинъ лишь выводъ, а именно, что это *равновѣсіе силъ, создавшееся вслѣдствіе заключенія франко-русскаго союза, является дѣйствительною угрозою миру, а отнюдь не предохраненіемъ отъ опасности его нарушенія.*

Впрочемъ и для сторонниковъ идеи равновѣсія силъ не можетъ не быть яснымъ, что равновѣсіе, основанное на двухъ союзахъ, изъ которыхъ одинъ съ двухъ сторонъ охватываетъ другой и, слѣдовательно, для него составляетъ постоянную угрозу, можетъ обезпечивать миръ лишь до той поры когда, для непосредственно угрожаемой съ двухъ сторонъ Державы необходимость все болѣе усиливающихся вооруженій станетъ нестерпимою. И тогда Держава эта, убѣдясь въ тщетности исканія иной группировки Державъ, волею неволею вынуждена будетъ искать единственнаго остающагося ей открытымъ выхода изъ такого положенія въ войнѣ, въ крайнемъ случаѣ, хотя бы на два фронта. Таково положеніе Германіи, и весьма естественно, что ея политика будетъ направлена къ тому, чтобы одна изъ Державъ двойственнаго союза явилась аттакующею стороною, дабы другой предоставлена была возможность, въ силу условій союзнаго договора, уклониться, буде она того пожелаетъ, отъ участія въ войнѣ. Въ этомъ и слѣдуетъ искать разгадки многаго, что въ маневрахъ германской политики представляется загадочнымъ.

Многіе полагаютъ, что участіе Россіи въ политической системѣ, создавшей такое, несомнѣнно, тревожное положеніе вещей—помимо заботъ о *нашихъ, будто бы, историческихъ задачахъ на Ближнемъ Востокѣ, впрочемъ интересамъ нашихъ союзниковъ и друзей не только совершенно чуждыхъ, но отчасти и прямо противоположныхъ*—вызывается необходимостью для Россіи всѣми силами противодѣйствовать приписываемымъ Германіи стремленіямъ къ гегемоніи въ Европѣ.

Это соображеніе стоитъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе, тѣмъ болѣе, что это также излюбленный доводъ нашихъ союзниковъ и друзей, для которыхъ дѣйствительно призракъ германской гегемоніи можетъ представляться страшилищемъ.

Самое понятіе о „гегемоніи“ весьма неопредѣленно и растяжимо. Оно относится къ категоріи тѣхъ идей, которыя, прикрываясь громкими, ничего опредѣленнаго не выражающими, кличками становятся лозунгами, подъ гипнозомъ которыхъ, какъ показываетъ исторія человѣчества съ древнѣйшихъ временъ, народы нерѣдко вовлекались въ кровопролитнѣйшія войны.

Потоки русской крови проливались въ началѣ минувшаго столѣтія въ борьбѣ съ французскою гегемоніею въ Европѣ. Борьба эта велась изъ-за совершенно чуждыхъ Россіи германскихъ, австрійскихъ и англійскихъ интересовъ, навлекла на наше отечество нашествіе полчищъ Наполеона и, хотя и окончилась полною побѣдою, не принесла Россіи никакой ощутительной пользы сколько нибудь соразмѣрной съ принесенными жертвами. Доставшееся же Россіи въ результатѣ этой борьбы временное доминирующее положеніе въ континентальной Европѣ, повело въ концѣ концовъ къ образованію противъ

нея коалиціи, нанесшей ей Крымскій погромъ, между тѣмъ, какъ краткій періодъ передышки въ борьбѣ съ Наполеономъ, когда Императоръ Александръ, сдавшись на его предложеніе, рѣшился, вмѣсто безплодной борьбы, дѣлить съ нимъ гегемонію въ Европѣ, далъ Россіи Бессарабію и Финляндію.

Теперь наши союзники и друзья, и наши собственные сторонники существующей системы союзовъ ожидаютъ отъ насъ готовности бороться противъ приписываемыхъ Германіи стремленій къ гегемоніи въ Европѣ. Остается, по этому, выяснить, въ чемъ собственно могли бы заключаться такія стремленія Германіи и чьимъ интересамъ могли бы угрожать эти стремленія.

Подозрѣвать Германію въ стремленіи къ осуществленію гегемоніи по образцу Наполеоновской—въ нашъ вѣкъ совершенно немыслимой—не представляется, очевидно, никакого разумнаго основанія. Но, конечно, помимо главной заботы о сохраненіи цѣлости и неприкосновенности новосозданной Имперіи у Германіи имѣется стремленіе занять и обезпечить за собою на аренѣ всемірной политики мѣсто, соотвѣтствующее ея культурности, богатству и военно-морскому могуществу. Стѣсненная въ своихъ географическихъ предѣлахъ при быстромъ ростѣ населенія и колоссальномъ развитіи торговли и промышленности, Германія столь же несомнѣнно стремится къ расширенію ея колоніальныхъ владѣній, къ открытію новыхъ рынковъ для ея торговли и новыхъ поприщъ для приложенія избытка силъ и предпріимчивости ея сыновъ, словомъ, ко всему тому, что Императоръ Вильгельмъ имѣлъ въ виду, провозглашая идею о томъ, что „будущность Германіи на моряхъ“. Она также, очевидно, стремится къ подчиненію своему вліянію, или включенію въ сферу своихъ интересовъ небольшихъ государствъ, закрывающихъ ей доступъ къ Нѣмецкому морю.

Если все это можно назвать стремленіемъ къ гегемоніи, то къ такой гегемоніи Германія, несомнѣнно, стремится. Ея западнымъ политическимъ и торгово-промышленнымъ соперникамъ эти стремленія Германіи, конечно, могутъ представляться весьма нежелательными и угрожающими ихъ интересамъ. Но почему и чѣмъ подобная гегемонія Германіи въ Западной Европѣ могла бы угрожать жизненнымъ интересамъ Россіи, остается совершенно непонятнымъ.

Спрашивается теперь, призвана ли Россія для борьбы съ подобными стремленіями Германіи и *въ защиту совершенно чуждыхъ Россіи интересовъ держаться политической системы, которая рано или поздно логически должна привести насъ къ вооруженному столкновенію съ нашими западными сосѣдями* — столкновенію, которое, въ *случаѣ побѣдоноснаго* для насъ исхода, *не можетъ дать Россіи ничего, въ случаѣ же пораженія грозитъ ей потерею ея западныхъ окраинъ, иначе сказать, расчлененіемъ Имперіи.*

Отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою напрашивается.

Россія, занимающая большую половину европейскаго материка, есть не столько величайшая европейская Держава, сколько, сама по себѣ цѣлая часть свѣта, поставленная между Европою и Азіею и съ точки зрѣнія такого ея положенія и должны быть разсматриваемы истинные ея интересы въ міровой политикѣ. Предоставленіемъ Германіи преобладанія въ западной половинѣ Европы и устраненіемъ себя отъ всякаго участія въ соперничествахъ европейскихъ Державъ на почвѣ чисто европейскихъ интересовъ, Россія обезпечила бы себѣ безопасность ея западной границы и полную свободу рукъ для преслѣдованія ея миссіи въ Азіи, повелительно указанной ей ея географическимъ положеніемъ, отъ выполненія которой ей тѣмъ труднѣе будетъ отвараживаться, чѣмъ яснѣе будетъ обрисовываться начавшееся пробужденіе азіатскихъ народовъ.

Автору этой записки припоминается видѣнный имъ на крейсерѣ „Россія“, подаренный каютъ-кампаніи этого крейсера лично Императоромъ Вильгельмомъ въ 1900 году рисунокъ, изображавшій Россію и Германію въ видѣ двухъ женскихъ фигуръ, дружно стоящихъ съ обнаженными мечами спина къ спинѣ и обращенныхъ одна на востокъ и другая на западъ.

Въ этомъ аллегорическомъ изображеніи, очевидно, рисовался поэтическому воображенію Императора идеалъ желательныхъ отношеній обѣихъ Монархій другъ къ другу. Такое отношеніе обѣихъ могущественнѣйшихъ Державъ стараго свѣта обезпечивало бы за ними сообща „гегемонію“ на обоихъ материкахъ и должно бы было, казалось, быть одинаково желательнымъ и для Россіи.

Крайне напряженное состояніе съ ногъ до головы вооруженной Европы, создавшееся благодаря усвоенной Великими Державами системѣ союзовъ, очевидно, длиться безконечно не можетъ.

Изъ этого положенія имѣются только два выхода: вооруженное столкновеніе между двумя союзами, или же такая перегруппировка Державъ, при которой одинъ союзъ не составлялъ бы постоянной угрозы для другого. Къ одному изъ этихъ выходовъ насъ приведетъ самая сила обстоятельствъ и логически неизбѣжное ихъ развитіе. Выборъ между этими двумя выходами еще зависитъ отъ насъ. Спрашивается лишь, на долго ли еще мы сохранимъ эту возможность выбора.

Даже для непосвященныхъ въ тайны дипломатіи ясно, что наша политика, всячески старается держать вѣсы равными между Франціею и Германіею.

Такая политика могла проводиться успѣшно и вполнѣ соотвѣтствовала нашимъ интересамъ, пока мы не были связаны формальнымъ союзомъ съ принципіально и непримиримо враждебною Германіи

Франціею. При данныхъ же обстоятельствахъ политика эта представляетъ то неудобство, или вѣрнѣе, опасность, что она не удовлетворяетъ ни той, ни другой стороны и лишаетъ насъ довѣрія обѣихъ.

Что касается Франціи, то не подлежитъ сомнѣнію,—что бы ни говорилось въ оффиціальныхъ французскихъ кругахъ—что послѣ обставленной широкою газетною рекламою поѣздки г-на Пуанкаре въ Петербургъ и послѣ напускныхъ восторговъ по поводу оказаннаго ему почетнаго пріема, наступило разочарованіе, довольно откровенно высказываемое въ печати. Какъ на образчикъ ходячихъ разсужденій на эту тему можно сослаться на статью, недавно появившуюся въ газетѣ „Echo de Paris“ и подписанную однимъ изъ членовъ Палаты Депутатовъ. Основная мысль этой статьи слѣдующая: франко-русскій союзъ и по принципу и по назначенію своему направленъ противъ Германіи, Россія же не имѣетъ тѣхъ поводовъ ко враждѣ съ Германіею, какіе имѣетъ Франція, она къ тому же связана съ Германіею традиціями слишкомъ столѣтней дружбы и родственными отношеніями Царствующихъ Домовъ, а потому отношеніе Россіи къ союзу не можетъ имѣть той „интенсивности“, съ которою къ нему относятся французы. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такой совершенно правильный взглядъ на франко-русскій союзъ, или, говоря прямо, сознаніе внутренней фальши, лежащей въ самой основѣ его, раздѣляется широкими кругами французскаго общества и что сознаніе это не отсутствовало даже и въ первые дни Тулонскихъ и Кронштадтскихъ восторговъ, когда у всѣхъ на устахъ было слово „миръ“, а въ сердцахъ горѣло пламя возродившейся страстной надежды на возможность реванша. Авторъ статьи, однако, старается утѣшить себя мыслію, что Россія, все-таки, должна питать чувства расоваго антогонизма къ Германіи и что болѣе тѣсное сближеніе ея съ Германіею невозможно потому, что такая измѣна „славизму“ вызвала бы единодушный крикъ негодованія во всемъ славянскомъ мірѣ, отъ Адріатики до Финскаго залива. Въ убѣжденіи о необходимости для Россіи подчинить свою политику вліянію „великой славянской идеи“, французовъ очевидно укрѣпляютъ доходящія до нихъ свѣдѣнія объ отношеніи къ этому вопросу всей нашей болѣе или менѣе вліятельной печати, за исключеніемъ лишь одного, правда, самаго замѣчательнаго по уму и таланту публициста, который имѣлъ истинно патріотическое гражданское мужество, не боясь обвиненія въ „еретическомъ“ образѣ мыслей, совершенно откровенно высказать свое мнѣніе о призрачности этой великой идеи и связанныхъ будто-бы съ нею интересовъ.

Далѣе, авторъ статьи съ горечью упоминаетъ о Потсдамскомъ свиданіи и состоявшихся тогда соглашеніяхъ, о которыхъ во Франціи оффиціально ничего неизвѣстно—явный намекъ на дѣйствительно важнѣйшій результатъ этого свиданія, провозглашенный съ трибуны

рейхстага германскимъ канцлеромъ и нами замалчиваемый, очевидно, изъ желанія щадить чувства нашей союзницы. Нельзя, конечно, удивляться тому, что Потсдамское свиданіе и его результатъ возбудили недовѣріе и подозрительность французовъ. Вѣдь ясно, что принятое на себя Россіею и Германіею взаимное обязательство не участвовать ни въ какихъ политическихъ комбинаціяхъ, остріе которыхъ направлено противъ той, или другой стороны, можетъ означать лишь одно, а именно: что *Россія смотритъ на свой союзъ съ Франціею, не какъ направленный остріемъ противъ Германіи, между тѣмъ какъ для французовъ въ этомъ, именно, заключается весь смыслъ и все значеніе союза.*

Въ числѣ упрековъ, которые ставитъ намъ авторъ разбираемой статьи, имѣется одинъ, если онъ имѣетъ фактическое основаніе, дѣйствительно не лишенный, съ французской точки зрѣнія, извѣстной доли справедливости—а именно: онъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы въ Потсдамѣ отказались, безъ предварительнаго соглашенія съ Франціею и Англіею, отъ нашей оппозиціи предпріятію Багдадской желѣзной дороги. Имѣя въ виду, что мы сами побудили французское Правительство присоединиться къ нашей оппозиціи, вопреки интересамъ французскихъ капиталистовъ, желавшихъ принять участіе въ этомъ предпріятіи, такой образъ дѣйствій съ нашей стороны долженъ былъ казаться имъ мало соотвѣтственнымъ духу союзныхъ нашихъ отношеній, да и вообще трудно объяснимымъ. Дѣйствительно, наша прежняя оппозиція этому предпріятію столь же мало, въ сущности, понятна, какъ и нынѣшній отказъ отъ нея. Если оппозиція наша имѣла серьезныя основанія, то, конечно, мы не могли бы отъ нея отказаться, не получивъ соотвѣтствующаго важности этихъ основаній эквивалента. Такого, однако, эквивалента мы не только не получили, но, напротивъ того, приняли на себя весьма стѣснительныя и обременительныя обязательства, касательно желѣзнодорожнаго строительства въ Персіи. Обязательство же Германіи не вторгаться въ сферу нашихъ политическихъ интересовъ въ Персіи едва ли можетъ быть сочтено за достаточный эквивалентъ, принимая во вниманіе, что Германія не располагаетъ никакими средствами прямого вліянія на персидскую политику. Отсюда легко было вывести заключеніе, что настоящій эквивалентъ долженъ былъ заключаться въ секретномъ условіи, потому именно неразглашаемомъ, что онъ нарушаетъ французскіе интересы.

Далѣе, авторъ статьи упрекаетъ насъ въ будто бы сдѣланной нами, опять таки безъ предварительнаго соглашенія съ Франціею, попыткѣ организовать въ интересахъ Италіи совмѣстное давленіе Державъ на Турцію, при чемъ мы совершенно упустили изъ вида интересы Франціи, какъ мусульманской по своимъ колоніальнымъ владѣніямъ Державы.

Всѣ эти сѣтованія, несомнѣнно, отражаютъ настроеніе умовъ значительной части французскаго общества и свидѣтельствуютъ о сознаваемомъ имъ отсутствіи дѣйствительной общности интересовъ между обѣими союзными Державами, такъ какъ главный интересъ Франціи въ этомъ союзѣ, интересъ реванша, не можетъ не быть совершенно чуждымъ Россіи.

Не менѣе чуждымъ интересамъ Россіи является и мотивъ, побудившій Англію сдѣлаться соучастницей такъ называемаго тройственнаго согласія. Держава эта справедливо видитъ въ безспорномъ владычествѣ надъ морями первое условіе безопасности ея островной территоріи и ея разбросанныхъ по всему свѣту колоній, и по этому всегдашняя готовность къ борьбѣ съ возможными соперниками для нея является обязательною. Для предвидимой же ею борьбы съ возрастающимъ столь быстро морскимъ могуществомъ Германіи, являющейся уже теперь опаснѣйшею ея соперницею, Англія естественно должна была искать опоры континентальныхъ Державъ. Такую опору она нашла въ непримиримо враждебной Германіи Франціи и такой же опоры она очевидно ищетъ и у насъ. Но Россія не имѣетъ заморскихъ колоній, ея морская торговля сравнительно весьма незначительна и Англійское владычество надъ морями ея существенныхъ интересовъ не затрагиваетъ при сохраненіи съ нею дружественныхъ отношеній. Въ возможной же борьбѣ между Англіею и Германіею изъ-за такого владычества для Россіи не предвидится повода стать на сторонѣ той, или другой изъ этихъ Державъ. Этимъ и опредѣляется отношеніе наше къ Англіи, какъ соучастницѣ тройственнаго согласія, поскольку это согласіе направлено противъ Германіи.

Если же стать на точку зрѣнія теоріи о равновѣсіи силъ, то, очевидно, интересамъ всѣхъ контитентальныхъ Державъ, и въ томъ числѣ Франціи не менѣе, чѣмъ Германіи, скорѣе соотвѣтствовало бы соединенными силами составить противовѣсъ англійскому господству надъ морями.

Что касается, наконецъ, содѣйствія, котораго можно было бы ожидать въ преслѣдованіи нашихъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ, то отношеніе Лондонскаго Кабинета къ нашей попыткѣ поставить на очередь вопросъ о проливахъ достаточно ясно показываетъ насколько такія ожиданія были бы тщетными.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не радоваться устраненію, благодаря соглашенію 1907 года, по крайней мѣрѣ на одномъ пунктѣ традиціоннаго англо-русскаго антагонизма, основаннаго на совершенно, въ сущности, безпочвенномъ взаимномъ недовѣріи, въ созданіи котораго обѣ Державы одинаково виновны—Англія своею систематическою оппозиціею нашей политикѣ на Ближнемъ Востокѣ въ дѣйствительности ничѣмъ истиннымъ интересамъ Англіи не угрожавшей, а мы своею

политикою булавочныхъ уколовъ въ Персидскомъ заливѣ, интригъ въ Афганистанѣ и Тибетѣ и всякихъ косвенныхъ безсильныхъ угрозъ англійскому владычеству въ Индіи. Можно только сожалѣть о томъ, что соглашеніе съ Англіею не состоялось восемью годами раньше, когда мы имѣли возможность цѣною отказа отъ такой совершенно безплодной политики обезпечить себѣ нейтралитетъ Англіи на Дальнемъ Востокѣ и тѣмъ предупредить заключеніе англо-японскаго союза и возможность вооруженнаго столкновенія съ Японіею. Что же касается условій соглашенія 1907 года, то, судя по опубликованному его тексту, въ нихъ нѣтъ ничего для насъ невыгоднаго. Но для непосвященныхъ въ тайны переговоровъ съ Англіею остается невыясненнымъ, приняли ли мы тогда же на себя обязательство, вмѣсто поддержанія законнаго и преданнаго намъ властителя Персіи, оказывать вмѣстѣ съ Англіею нашу поддержку враждебнымъ намъ младо-персіянамъ съ ихъ фантастическимъ меджлисомъ, или же подчиненіе нашей политики внушеніямъ англійскаго конституціоннаго фетишизма было съ нашей стороны добровольнымъ, вызваннымъ желаніемъ облегчить положеніе англійскаго кабинета въ парламентѣ, въ виду сильной оппозиціи, противъ его политики соглашенія съ Россіею, проявляющейся не только со стороны радикаловъ, но и нѣкоторыхъ вліятельныхъ консервативныхъ элементовъ, не освободившихся еще отъ традиціоннаго недовѣрія къ Россіи. Въ первомъ случаѣ пришлось бы признать, что соглашеніе это куплено слишкомъ дорогою цѣною, а во второмъ—отъ насъ будетъ зависѣть дать нашей политикѣ въ Персіи направленіе болѣе соотвѣтствующее реальнымъ интересамъ и достоинству Россіи. Несмотря, однако, на нашу угодливость передъ Англіею въ персидскихъ дѣлахъ, мы не снискали полнаго ея къ себѣ довѣрія, о чемъ свидѣтельствуетъ ревнивое вниманіе, съ которымъ она слѣдитъ за каждымъ передвиженіемъ и численнымъ составомъ нашихъ незначительныхъ отрядовъ въ Персіи. Привычка видѣть во всякихъ дѣйствіяхъ Россіи на Ближнемъ и Среднемъ Востокѣ скрытую угрозу англійскому владычеству въ Индіи слишкомъ глубоко укоренилась въ Англіи, чтобы легко уступить новосоздавшимся болѣе сочувственнымъ Россіи вѣяніямъ, вызваннымъ, главнымъ образомъ, надеждами на возможность использовать сухопутное могущество Россіи и ея союзъ съ Франціею для сведенія счетовъ Англіи съ Германіею. Какъ ни цѣнны для насъ дружественныя отношенія съ Англіею и какъ ни желательно дальнѣйшее ихъ укрѣпленіе, однако, поддерживать чѣмъ бы то ни было подобныя надежды англичанъ никоимъ образомъ не можетъ соотвѣтствовать нашимъ интересамъ.

Мы видѣли, такимъ образомъ, на какихъ шаткихъ основаніяхъ зиждится довѣріе къ намъ и нашихъ союзниковъ и нашихъ новыхъ друзей.

Но неизмѣримо болѣе важнымъ для насъ представляется вопросъ о довѣріи къ намъ Германіи. Степень этого довѣрія диктуетъ ей направленіе ея политики по отношенію къ Россіи, а окончательное его исчезновеніе будетъ сигналомъ того вооруженнаго столкновенія между обѣими Державами, избѣгать котораго требуютъ самые существенные интересы наши, и котораго у насъ могутъ желать одни лишь внутренніе враги Россіи, въ надеждѣ на погромъ нашего военнаго могущества, мечтающіе о низверженіи существующаго строя и расчлененіи Имперіи.

Первое двадцатилѣтіе Царствованія Императора Александра II, было эпохою полнаго взаимнаго довѣрія между Россіею и Пруссіею и затѣмъ и возродившеюся подъ ея главенствомъ Германскою Имперіею. Тогдашнія наши отношенія съ сосѣднею Монархіею, дали намъ возможность спокойно оправляться отъ послѣдствій нанесеннаго намъ Крымскаго погрома, подавить польское возстаніе и дать побѣдоносный отпоръ организованной Англіею и Франціею противъ насъ коалиціи всѣхъ почти европейскихъ Державъ съ цѣлью вмѣшательства въ польскій вопросъ; Пруссіи же эти отношенія дали возможность разбить и вытѣснить Австрію изъ Германскаго Союза, и осуществить давнишній идеалъ германскихъ племенъ объединеніемъ ихъ подъ сѣнію Германской Имперіи.

Первый ударъ этимъ взаимно довѣрчивымъ отношеніямъ былъ нанесенъ нами, когда въ 1875 году наша дипломатія, соблазнившись ролью спасительницы Франціи и укротительницы ничѣмъ не доказанныхъ поползновеній Германіи, будто бы направленныхъ къ нанесенію Франціи новаго погрома, дала себя сдѣлать орудіемъ интриги, имѣвшей цѣлью разстроить въ интересахъ Франціи и Англіи интимныя отношенія между Россіею и Германіею. Это выступленіе наше было не только политическою ошибкою, грозившею лишить насъ и, какъ показали послѣдствія, дѣйствительно лишившею насъ плодовъ двадцатилѣтней мудрой и вполнѣ соотвѣтствовавшей истиннымъ интересамъ Россіи политики Императора Александра II, но было и дѣйствіемъ вполнѣ нелогичнымъ. Или объединеніе Германіи и созданіе могущественной Германской Имперіи нарушало наши интересы—какъ Императоръ Наполеонъ III считалъ это нарушеніемъ интересовъ Франціи—тогда намъ слѣдовало въ союзѣ съ нимъ попытаться предупредить осуществленіе плановъ Пруссіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ и разгромъ Франціи, или же объединеніе Германіи и разгромъ Франціи интересовъ Россіи нисколько не нарушало, какъ думалъ Императоръ Александръ II, тогда мы не имѣли ни малѣйшаго повода вмѣшиваться даже въ самой дружественной формѣ, въ дальнѣйшее развитіе франко-германскихъ отношеній хотя бы эти отношенія и привели къ новой войнѣ между этими двумя Державами, о чемъ, позволительно думать, Германія

вовсе и не мечтала, какъ о томъ и заявлялъ въ самой категорической формѣ Князь Бисмаркъ.

Между тѣмъ, этимъ нашимъ выступленіемъ, мы посѣяли первое сѣмя того взаимнаго недовѣрія, которое Германію привело къ направленному противъ насъ союзу съ Австріею, а насъ къ союзу съ Франціею, столь же явно направленному противъ Германіи.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ и создалось то положеніе вооруженнаго мира, которое нынѣ раздѣляетъ Европу на два враждебныхъ другъ другу лагеря, подъ громкимъ названіемъ равновѣсія силъ.

Этимъ положеніемъ, какъ непосредственно угрожаемая съ двухъ сторонъ Держава, не можетъ не тяготиться Германія въ особенности съ тѣхъ поръ, что къ франко-русскому союзу присоединилась и Англія и она естественно должна искать выхода изъ такого положенія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что наилучшимъ выходомъ Германія сочла бы превращеніе франко-русскаго союза въ франко-русско-германскій. Но достиженіе этого идеала, очевидно встрѣчаетъ неодолимое препятствіе въ французской непримиримости. Остается ей, слѣдовательно, либо пытаться отвлечь Россію отъ союза съ Франціею, либо готовиться къ нанесенію Россіи такого удара, который на долго обезоружилъ бы ее какъ союзницу Франціи, и потенціальную участницу въ новой войнѣ за обладаніе Эльзасомъ и Лотарингіею.

Этимъ соображеніемъ, очевидно, и обусловливается двойственность германской политики по отношенію къ Россіи: съ одной стороны старанія перетянуть ее на свою сторону, готовность служить нашимъ интересамъ, когда они не сталкиваются съ интересами ея союзницы Австріи, какъ напримѣръ въ 1895 году во время вмѣшательства нашего въ Симоносекскій мирный договоръ между Японіею и Китаемъ, и въ эпоху недавней войны нашей съ Японіею; съ другой стороны тщательная дипломатическая подготовка связей и конъюнктуръ могущихъ сослужить Германіи цѣнную службу въ случаѣ войны съ Россіею, какъ то несомнѣнно существующее соглашеніе съ Румыніею, интриги въ Турціи, и быть можетъ также въ Швеціи, для которой перспектива возможнаго отторженія отъ Россіи Финляндіи могла бы представить не малый соблазнъ, широко развитая система шпіонства въ нашихъ пограничныхъ областяхъ и т. д.

Между нынѣшнимъ положеніемъ Германіи и положеніемъ Японіи передъ войною съ Россіею, существуетъ нѣкоторая аналогія. Какъ тогда Японія, для выполненія задачи, которую она считала своею историческою миссіею, была поставлена въ необходимость либо искать полнаго дружественнаго соглашенія съ Россіею, либо идти на рискъ вооруженной борьбы съ нею, такъ и Германія поставлена въ ту же дилемму. Какъ Японія, только убѣдясь въ невозможности достигнуть предложеннаго ею еще въ 1898 году соглашенія, рѣшилась на разрывъ съ

нами, такъ и Германія едва ли задумается послѣдовать примѣру Японіи, когда она окончательно убѣдится въ безнадежности ея попытокъ придти съ Россіею къ полному соглашенію.

Германіи не можетъ не быть извѣстно, что Россія и Франція не совсѣмъ одинаково смотрятъ на истинное значеніе и цѣль союза, ихъ связывающаго, но для нея оцѣнка истинныхъ намѣреній Россіи является вопросомъ большаго или меньшаго довѣрія внушаемаго ей нашею политикою. Если Потсдамское свиданіе дѣйствительно имѣло тотъ важнѣйшій результатъ, о которомъ Германскій Канцлеръ оповѣстилъ Рейхстагъ—и невозможно не вѣрить столь авторитетному заявленію—то жало франко-русскаго союза было бы въ значительной степени притуплено. Но замалчиваніе съ нашей стороны передъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи этого результата свиданія Монарховъ не могло не умалить его значенія въ глазахъ германскихъ государственныхъ людей и не возбудить недовѣрія къ нашей искренности.

Все вышеизложенное указываетъ на корень той опасности — le danger latent — которая присуща неполной опредѣленности нашихъ отношеній съ Германіею. Опасность эта усугубляется въ настоящій моментъ, когда наступившій балканскій кризисъ грозитъ вовлечь насъ въ самыя серьезныя осложненія.

Каковъ бы ни былъ исходъ нынѣ начавшейся войны, намъ не избѣгнуть этихъ осложненій.

Русское національное чувство никогда не допуститъ и не можетъ допустить, чтобы дѣло освобожденія балканскихъ христіанскихъ народностей, за которое русскій народъ въ теченіе минувшаго столѣтія приносилъ столь великія жертвы кровью и достояніемъ, потерпѣло крушеніе отъ руки побѣдоносныхъ Турокъ; равнымъ образомъ оно не мирилось бы съ возвѣщеннымъ дипломатіею лишеніемъ балканскихъ государствъ плодовъ ихъ побѣды, если бы имъ удалось одержать верхъ въ борьбѣ, въ которой они поставили на карту самое свое существованіе.

Если бы человѣчество жило разумомъ, а не идеями и страстями, мы не присутствовали бы при зрѣлищѣ, обращенной въ вооруженный лагерь Европы и не видѣли бы начала новаго кровопролитія изъ за вопроса, разумному рѣшенію котораго препятствуютъ лишь раздѣляющія Европу соперничества.

Мы только что были свидѣтелями заблужденій европейской дипломатіи въ оцѣнкѣ психики балканскихъ народовъ. Не большее довѣріе внушаетъ и преобладающій повидимому оптимизмъ касательно средствъ, которыми дипломатія эта полагаетъ возможнымъ достигнуть локализаціи войны и устранить опасность столкновеній между Великими Державами,—оптимизмъ, основанный на вѣрѣ въ чудодѣйственную силу нынѣшней системы союзовъ, несмотря на то, что именно эта

система союзовъ носитъ въ себѣ сѣмя неизбѣжныхъ въ болѣе, или менѣе близкомъ будущемъ столкновеній.

Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на нынѣшнее весьма тревожное положеніе вещей, несомнѣнно одно, а именно, что имѣются на лицо всѣ условія, требующія не безплодныхъ „обмѣновъ мыслей“ между Державами, по поводу политическихъ и военныхъ инцидентовъ по мѣрѣ ихъ возникновенія, а принятія важнѣйшихъ принціальныхъ рѣшеній.

Изложенныя въ настоящей запискѣ мнѣнія являются плодомъ тщательнаго изученія политическихъ отношеній европейскихъ Державъ и долголѣтней работы мысли надъ вопросами, здѣсь затронутыми и авторъ ея, потомокъ небезславнаго рода, все способное носить оружіе поколѣніе котораго въ его губерніи сражалось добровольцами въ рядахъ русскихъ войскъ въ отечественную войну, считаетъ себя въ правѣ надѣяться, что взгляды его, сколько бы они ни расходились съ преобладающими въ нашемъ обществѣ популярными теченіями, не будутъ приписаны увлеченію на почвѣ его „инородческаго“ происхожденія, а лишь его глубокой убѣжденности въ томъ, что, по его крайнему разумѣнію, является единственно соотвѣтствующимъ истиннымъ интересамъ его Государя и его Отечества.

Парижъ $^{1}/_{14}$ октября 1912 г.

Засѣданіе Государственнаго Совѣта 3-го апрѣля 1913 г.

Баронъ Розенъ. Ваше Высокопревосходительство и гг. Члены Государственнаго Совѣта. Я почитаю себя обязаннымъ прежде всего просить Вашего снисхожденія къ мотивамъ, внушившимъ мнѣ смѣлость выступить передъ этимъ Высокимъ Собраніемъ по поводу законопроекта, касающагося вопросовъ внутренняго управленія. Къ пріобрѣтенію должной компетентности въ подобныхъ вопросахъ предшествующая моя служебная дѣятельность меня не подготовила. Но, выслушавъ высокоталантливыя рѣчи, произнесенныя передъ перерывомъ двумя ораторами, принадлежащими къ противоположнымъ партіямъ, мнѣ казалось, что быть можетъ для Васъ было бы небезинтересно ознакомиться съ угломъ зрѣнія, подъ которымъ задачи нашей окраинной политики представляются пониманію человѣка, чуждаго той атмосферы полемики, которая неизбѣжно возникаетъ на почвѣ связанныхъ съ окраинною политикою вопросовъ, и который, тѣмъ не менѣе, въ теченіе долголѣтней служебной дѣятельности въ трехъ частяхъ свѣта, имѣлъ обильную возможность слѣдить за возникновеніемъ, развитіемъ и успѣшнымъ разрѣшеніемъ самыхъ разнообразныхъ политическихъ вопросовъ. Господа, если бы такіе вопросы разрѣшались исключительно либо силой, либо примѣненіемъ непреложныхъ нормъ отвлеченнаго права, политика не была бы тѣмъ, чѣмъ она должна быть, т. е. искусствомъ. Искусная же политика обязана считаться и съ невѣсомыми элементами, въ ряду которыхъ первое мѣсто должно быть отведено народной психологіи. Мы видѣли, къ какому нежелательному положенію вещей привело на одной изъ нашихъ окраинъ пренебреженіе этой истиной, т. е., съ одной стороны, недостаточно бережное отношеніе къ правосознанію населенія, а съ другой стороны, упорное нежеланіе или неумѣніе считаться должнымъ образомъ съ державнымъ инстинктомъ русскаго народа. Окраинная политика наша, всемѣрно заботясь объ укрѣпленіи узъ, связывающихъ наши окраины съ коренной Россіей, должна бы не терять изъ вида, что только та связь этихъ окраинъ съ общимъ отечествомъ можетъ быть дѣйствительно прочна, которая зиждется не на недобровольномъ подчиненіи превосходству силы, а на глубоко вкоренившемся въ населеніи сознаніи того, что лучшее обезпеченіе не только своего матеріальнаго благополучія, но и наиболѣе чтимыхъ имъ духовныхъ благъ оно обрѣтаетъ подъ сѣнью Россійской Державы.

Такое настроеніе разноплеменнаго населенія нашихъ окраинъ имѣло бы важное значеніе не только для мира и благоденствія Имперіи, но и съ точки зрѣнія нашихъ международныхъ отношеній. Какъ ни велико наше отечество, какъ ни велико его могущество, тѣмъ не менѣе мы лишь равноправный членъ великой семьи культурныхъ народовъ бѣлой расы, съ судьбами которыхъ судьба наша неразрывно связана. *Мы не должны убаюкивать себя иллюзіей, что нынѣ установившаяся система равновѣсія, основанная на приблизительномъ равенствѣ силъ двухъ*—что бы тамъ ни говорили, враждебныхъ другъ другу,—*союзовъ, можетъ служить дѣйствительнымъ обезпеченіемъ мира. Иллюзію эту разрушаетъ фактъ постоянно возрастающихъ вооруженій, которыя лишены были бы всякого смысла, еслибы не служили приготовленіемъ ко всѣми ожидаемой войнѣ.* Если бы родъ людской жилъ разумомъ, а не идеями и страстями, мы не были бы свидѣтелями печальнаго зрѣлища — Европы, раздѣленной на два враждебныхъ лагеря и истощающей свои производительныя силы на вооруженія, достигающія все болѣе и болѣе колоссальныхъ размѣровъ, которыя въ свою очередь, увеличивая не въ мѣру налоговое бремя, несомое народами, въ этой политической системѣ участвующими, даютъ обильную пищу наблюдаемому повсюду глухому недовольству народныхъ массъ. На этой же благодарной почвѣ процвѣтаетъ и съ поразительной быстротой развивается самое грозное явленіе новѣйшаго времени—революціонный соціализмъ, угрожающій одинаково всѣмъ цивилизованнымъ государствамъ, да и всей вообще современной цивилизаціи человѣчества. Никому не дано предрекать будущее. Удастся ли мудрости правителей и руководящихъ государственныхъ людей *примирить или устранить тѣ антагонизмы, истиннымъ интересамъ Россіи впрочемъ чуждые, которые обратили Европу въ вооруженный лагерь*, или же суждено тлѣющимъ страстямъ внезапно разгорѣться яркимъ пламенемъ и привести къ той кровавой развязкѣ, отъ участія въ которой и намъ невозможно будетъ уклониться,—для насъ важно, чтобы если наступитъ этотъ роковой часъ, разноплеменное населеніе нашихъ окраинъ встрѣтило этотъ часъ въ полномъ и искреннемъ единеніи съ великимъ русскимъ народомъ, подъ стягомъ Державнаго Вождя Россіи, Носителя и Олицетворенія идеи единства, могущества, величія и славы нашего Отечества. Каковы бы ни были испытанія, которыя намъ сулитъ будущее, быть можетъ менѣе отдаленное, чѣмъ это можетъ намъ казаться нынѣ, одно мы имѣемъ утѣшеніе: тысячелѣтняя исторія Россіи служитъ ручательствомъ тому, что никогда ни внутреннимъ, ни внѣшнимъ врагамъ Россіи не удастся пошатнуть величественное зданіе, воздвигнутое въ теченіе вѣковъ державнымъ геніемъ русскаго народа.

Засѣданіе Государственнаго Совѣта 29-го января 1914 г.

Баронъ Розенъ 1. Прислушиваясь къ Вашимъ преніямъ, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ своей некомпетентности въ оцѣнкѣ цѣлесообразности и выполнимости разнообразныхъ мѣръ, предлагаемыхъ для борьбы съ пьянствомъ, и, слѣдовательно, также и въ моей некомпетентности принимать въ этихъ преніяхъ болѣе дѣятельное участіе. Но, господа, я пораженъ тѣмъ живымъ интересомъ къ преніямъ этимъ, который проникаетъ въ самыя широкія массы населенія. Любопытное вещественное доказательство этого на дняхъ было у меня въ рукахъ въ видѣ письма, полученнаго однимъ изъ нашихъ уважаемыхъ коллегъ отъ почтеннаго труженика, скромнаго ремесленника, содержаніе котораго, несмотря на нѣсколько безграмотную форму, было поистинѣ трогательное и патетическое. Въ воздухѣ чувствуется, что народъ русскій, поднимая довѣрчивые взоры къ Высшему Законодательному и Представительному Учрежденію Имперіи, ждетъ отъ насъ, что мы, вдумчивымъ и участливымъ отношеніемъ къ животрепещущему вопросу борьбы съ величайшимъ народнымъ бѣдствіемъ, покажемъ, что Государственный Совѣтъ не заслуживаетъ того упрека, который иногда слышится по его адресу, что онъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ того состоянія приближающагося прогрессивнаго паралича, который угрожаетъ нашей государственности. Но въ какія формы окончательно ни вылилось бы нынѣ разсматриваемое законодательство, я боюсь, что оно особенно ощутительныхъ результатовъ достигать не будетъ, потому что дѣйствительно успѣшная борьба съ этимъ народнымъ бѣдствіемъ возможна только при широчайшемъ просторѣ, предоставленномъ общественной самодѣятельности, на что при данныхъ обстоятельствахъ, повидимому, надежды мало. Въ связи съ этимъ и въ сознаніи серьезности переживаемаго нами историческаго момента, я рѣшаюсь просить г. Предсѣдательствующаго позволить мнѣ на нѣкоторыя короткія минуты отвлечь вниманіе Ваше отъ непосредственно обсуждаемаго Вами спеціальнаго вопроса въ сторону нѣкоторыхъ болѣе общихъ вопросовъ, въ настоящее время достойныхъ самаго

серьёзнаго вниманія всѣхъ, кому дороги честь, слава и преуспѣяніе нашего Отечества. Я, господа, никоимъ образомъ не раздѣляю ни самодовольнаго равнодушія, ни благодушнаго оптимизма касательно положенія дѣлъ какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, которыя преобладаютъ въ нѣкоторыхъ кругахъ нашего общества. *Этого оптимизма я не раздѣляю потому, что твердо вѣрую въ причинную связь и неумолимую логику событій.* Вамъ, господа, извѣстно, что вотъ уже второе десятилѣтіе *Европа живетъ подъ режимомъ двухъ союзовъ, въ которые двѣ непримиримо враждебныя другъ другу державы сумѣли втянуть остальныя великія державы*, въ томъ числѣ и одну, которая пока связала себя лишь обязательствомъ дружбы. *Эта система двухъ противопоставляемыхъ другъ другу союзовъ провозглашается лучшимъ обезпеченіемъ сохраненія мира. Къ сожалѣнію, обольстительной теоріи этой противорѣчитъ суровый фактъ вызванныхъ такою группировкою державъ постоянно возростающихъ и нынѣ достигшихъ уже истинно чудовищныхъ размѣровъ вооруженій, единственный разумный смыслъ которыхъ можетъ заключаться лишь въ томъ, что они должны служить приготовленіемъ къ всѣми ожидаемой войнѣ.* Изъ тревожнаго положенія, подъ гнетомъ котораго живетъ Европа, *возможны только два выхода: устраненіе того коренного непримиримаго антагонизма,* ***впрочемъ интересамъ Россіи совершенно чуждаго,*** *который вызвалъ къ жизни эту систему союзовъ, или же вооруженное столкновеніе, отъ котораго Россіи*, всегда вѣрной принятымъ на себя обязательствамъ, *уклониться будетъ невозможно.* Спрашивается лишь, когда именно можно будетъ ожидать наступленія окончательнаго кризиса и съ нимъ кровавой развязки Европейской драмы? Никому не дано предрекать будущее, но, господа, такія чрезвычайныя мѣры, какъ взиманіе съ немногочисленной состоятельной части *населенія единовременнаго милліарднаго налога для военной цѣли*, скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что часъ *наступленія этого кризиса почитается уже не столь далекимъ.* Если въ чемъ можно быть увѣреннымъ, такъ это въ томъ, *что часъ этотъ наступитъ тогда, когда мы наименѣе этого будемъ ожидать.* Всякій, чье сердце болѣетъ о судьбахъ родины, не можетъ не желать, не желать пламенно, чтобы, когда наступитъ роковой часъ, онъ засталъ Россію не въ томъ настроеніи, которое было главною психологическою причиною постигшаго насъ на Дальнемъ Востокѣ погрома и на почвѣ котораго только могла разыграться и прокатиться безудержно по лицу земли русской бурная волна недавно пережитой нами кровавой смуты. Что же мы видимъ въ дѣйствительности, если отрѣшиться отъ оффиціальнаго оптимизма, основаннаго на теоріи, что все обстоитъ благополучно, пока не происходитъ никакихъ катастрофическихъ явленій? Мы видимъ, во первыхъ, и за это возблагодаримъ

Господа Бога изъ глубины сердецъ нашихъ, что народъ Русскій еще свято хранитъ культъ Царя и Царской Власти, потому что въ этомъ и въ этомъ только, какъ учитъ исторія, Россія всегда въ концѣ концовъ находила свое спасеніе. Но, господа, мы видимъ также, что разладъ между Правительствомъ и обществомъ все болѣе обостряется по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе ярко вырисовывается стремленіе сводить мало-по-малу на нѣтъ все значеніе великаго акта, который въ исторіи обезсмертитъ имя Всемилостивѣйшаго Государя Нашего наравнѣ съ благословляемымъ русскимъ народомъ именемъ Царя Освободителя. Стремленія эти опасны; *исторія всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ учитъ, что никогда попытки повернуть обратно колесо исторіи не бывали увѣнчаны окончательнымъ успѣхомъ, но всегда сопровождались тяжелыми и иногда роковыми послѣдствіями.* Исторія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ учитъ насъ также, что *дѣйствительная опасность революціи создается не утопическими требованіями крайняго радикализма, но несвоевременнымъ удовлетвореніемъ умѣренныхъ желаній и чаяній въ громадномъ большинствѣ своемъ всегда благомыслящаго образованнаго общества, верхняго слоя всякой націи.* Мы видимъ, что стремленіе это поддерживается и внушается партіями, присваивающими себѣ монополію истинно монархическихъ и специфически-національныхъ патріотическихъ чувствъ. Относясь съ полнымъ и глубокимъ уваженіемъ къ искренности ихъ, нельзя, однако, не удивляться тому, что партіи эти, какъ будто, не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что истиннымъ интересамъ Монарха и поэтому Отечества—можетъ служить лишь та политика, которая привлекаетъ къ Нему сердца всѣхъ Его подданныхъ, а не такая, которая распространяетъ по всей странѣ глухое чувство недовольства, уныніе и безнадежности, а на окраинахъ сѣетъ тлетворное сѣмя національной розни, злобы и ожесточенія. Господа, я думаю, что едва ли найдется въ Россіи мыслящій человѣкъ, задумывающійся о ближайшемъ будущемъ нашего отечества, который не чувствовалъ бы инстинктивно, что мы, выражаясь языкомъ моряковъ, дрейфуемъ, иначе сказать, относимся вѣтромъ и теченіемъ все ближе и ближе къ весьма опасному берегу, о который нашъ государственный корабль рискуетъ разбиться, если мы не рѣшимся своевременно положить руля на бортъ и лечь на курсъ ясный и твердо опредѣленный. Но курсъ этотъ не можетъ быть курсомъ жизнерадостнаго диллетантизма, не желающаго смотрѣть правдѣ въ глаза, заслоняющаго ее отъ взоровъ Монарха и самонадѣянно пренебрегающаго уроками исторіи. Въ это время междувѣдомственной розни, всеобщаго другъ къ другу недовѣрія и общей политической растерянности на Государственномъ Совѣтѣ лежитъ великая отвѣтственность передъ Царемъ, передъ родиною и передъ исторіею. Высшее Законодательное и Представительное Учрежденіе Импе-

ріи является отвѣчающимъ своему высокому назначенію вполнѣ, когда оно является твердымъ оплотомъ Монархіи и истинно консервативныхъ началъ противъ натиска соціалистическаго и революціоннаго радикализма, но Государь и Россія въ правѣ ожидать отъ насъ, назначаемыхъ Волею Монарха, посѣдѣвшихъ на службѣ Престолу и Отечеству, умудренныхъ долголѣтнимъ жизненнымъ и служебнымъ опытомъ старыхъ слугъ государства, не менѣе чѣмъ отъ выборныхъ нашихъ коллегъ, представителей цвѣта нашей націи, ожидать отъ насъ, что мы будемъ не менѣе твердымъ *оплотомъ противъ натиска безпросвѣтной реакціи и воинствующаго націонализма, работающихъ въ непостижимомъ ослѣпленіи на пользу однихъ лишь внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Россіи.*

Засѣданіе Государственнаго Совѣта 22-го августа 1915 г.

Баронъ Розенъ. Нѣкоторые изъ Васъ удостоились сегодня счастья изъ устъ Всемилостивѣйшаго Государя нашего услышать слова высокомилостивой оцѣнки трудовъ Законодательныхъ Учрежденій на пользу Царя и Отечества въ области государственной обороны. Какъ ни капитально важны сами по себѣ всѣ вопросы о снабженіи арміи и флота всѣмъ необходимымъ, но есть еще и другая область, не менѣе важная, соприкосающаяся съ веденіемъ войны и достиженіемъ побѣдоноснаго для насъ и нашихъ союзниковъ ея окончанія, и въ этой области встаетъ передъ Законодательными Учрежденіями задача, выполненіе которой для нихъ вполнѣ возможна безъ всякаго колебанія незыблемости Основныхъ Законовъ Имперіи. По этому поводу я прошу разрѣшенія изложить нѣкоторыя мысли, внушенныя мнѣ опытомъ почти полувѣкового занятія вопросами политики, высказать которыя въ этотъ критическій моментъ нашей исторіи повелѣваетъ мнѣ долгъ вѣрноподданнаго и всею душою преданнаго Отечеству вѣрнаго сына земли Русской. Когда я, въ апрѣлѣ 1913 г., предупреждалъ Васъ о неизбѣжной кровавой развязкѣ европейской драмы, завязавшейся на почвѣ режима союзовъ, подъ которымъ жила Европа въ теченіе истекшаго двадцатилѣтія, когда я, 29 января минувшаго 1914 г., съ этой же трибуны предупреждалъ Васъ о непосредственной близости этой развязки и заклиналъ Васъ обратить серьезнѣйшее вниманіе на необходимость безотлагательной и рѣшительной перемѣны курса нашей внутренней политики, — слова мои были встрѣчены немногими съ сочувствіемъ, большинствомъ съ недоумѣніемъ, а тѣми, къ которымъ они особенно обращались, съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ самодовольнаго высокомѣрія. Теперь мы видимъ, къ чему привелъ насъ этотъ курсъ. Вызванная Германіею катастрофа общеевропейской войны застигла насъ неподготовленными какъ въ военномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи внутренняго государственнаго строительства. На насъ лежитъ неотложный долгъ восполнить упущенное. Возымѣемъ же, прежде всего, гражданское

мужество отдать себѣ ясный отчетъ въ дѣйствительномъ положеніи вещей, созданномъ военными событіями истекшаго года. Для всякаго желающаго и способнаго трезво смотрѣть на вещи—не только у насъ, но и въ лагерѣ нашихъ противниковъ — не можетъ не быть яснымъ, что въ этой міровой борьбѣ народовъ ни одной изъ борющихся сторонъ не удастся сокрушить другую, какъ о томъ вначалѣ съ одинаковою увѣренностію мечтали обѣ стороны и, быть можетъ продолжаютъ мечтать и понынѣ, подъ вліяніемъ кроваваго психоза, ниспосланнаго народамъ Европы неисповѣдимою волею Провидѣнія, на почвѣ котораго разрослась племенная вражда, достойная временъ племенныхъ столкновеній первыхъ вѣковъ нашей эры. Война длится уже болѣе года, громадныя цвѣтущія области разорены и опустошены, сотни тысячъ, если не милліоны молодыхъ жизней, цвѣтъ юношества борющихся великихъ народовъ, погублены на кровавой нивѣ, пролиты океаны крови и слезъ и не достигнуто никакого рѣшительнаго результата. Однако и этой взаимноистребительной междоусобной войнѣ народовъ бѣлой расы долженъ когда нибудь наступить конецъ. Но, при приблизительномъ равенствѣ силъ борющихся сторонъ и несмотря на всегда возможныя колебанія военнаго счастья, ясно, что исходъ этой титанической борьбы народовъ будетъ обусловленъ не перевѣсомъ силы оружія въ пользу той или другой стороны, а невѣсомыми элементами, которые — мы на это можемъ надѣяться и мы этому всѣми средствами должны содѣйствовать — окажутся на сторонѣ нашей и нашихъ союзниковъ. Постараюсь пояснить мою мысль. Если оставить въ сторонѣ всѣ мотивы политическіе, экономическіе и психологическіе, которые служили наружными поводами столкновенія народовъ, и если углубиться въ истинный коренной смыслъ происходящихъ нынѣ событій, то мы увидимъ, что смыслъ этотъ заключается не только въ непоколебимой рѣшимости союзныхъ державъ всѣми силами и до конца бороться противъ стремленія Германіи вооруженною силою установить свое всемірное верховенство, но и въ проникающемъ все болѣе въ общее сознаніе убѣжденіи въ томъ, что нѣмецкая доктрина, что сила выше права и что право только и создается силою, — представляетъ величайшую опасность для всего человѣчества и не можетъ быть терпима. Казалось бы, что на этой почвѣ и подъ этимъ флагомъ нашей коалиціи должно бы быть вполнѣ обезпеченнымъ всеобщее сочувствіе всего цивилизованнаго міра, не говоря уже о державахъ, которымъ, въ силу ихъ географическаго положенія, грозитъ во всякое время опасность раздѣлить участь героической, несчастной Бельгіи. Почему же на дѣлѣ оказывается, что это не совсѣмъ такъ? Устраненіе одной изъ причинъ колебаній общественнаго мнѣнія нейтральныхъ странъ не въ нашу пользу несомнѣнно въ нашей власти. И вотъ почему. Въ борьбѣ съ пангерманизмомъ, съ германскимъ имперіализмомъ, съ

германскимъ милитаристическимъ абсолютизмомъ, *въ борьбѣ за право и справедливость, за свободу и независимость слабыхъ, въ борьбѣ, которую мы ведемъ въ союзѣ съ наиболѣе культурными народами Европы, мы лишь тогда будемъ пользоваться сочувствіемъ цивилизованнаго міра, когда мы свой—если можно такъ выразиться — внутренній фронтъ выравняемъ въ уровень съ политическою идеалогіею нашихъ доблестныхъ союзниковъ.* Въ области, напримѣръ, политики государства по отношенію къ окраинамъ и такъ называемымъ инородцамъ, входящимъ въ составъ его населенія, существуютъ двѣ діаметрально противоположныя политическія системы. Результаты усвоенной нашими союзниками политической системы сказались въ единодушномъ порывѣ патріотизма, съ которымъ всѣ автономныя британскія колоніи и всѣ „инородческіе“ элементы, какъ-то: ирланды, канадскіе французы, южно-африканскіе буры и даже индійскіе раджи, встали на защиту интересовъ британской Имперіи, причемъ оказалось возможнымъ довѣрить главное командованіе англійскими войсками въ южной Африкѣ тому самому бурскому генералу, который 15 лѣтъ тому назадъ командовалъ войсками буровъ противъ Англіи и который нынѣ занимаетъ постъ перваго министра англійской южно-африканской колоніи. Нѣмецкая же политическая система, примѣнявшаяся къ населенію Познани, Сѣвернаго Шлезвига и Эльзасъ-Лотарингіи, не достигла даже искорененія изъ сердецъ чистокровно нѣмецкаго населенія Эльзаса чувства горячей привязанности къ Франціи, которая къ эльзаскимъ чистокровнымъ нѣмецкимъ гражданамъ никогда не относилась какъ къ гражданамъ второго класса и потенціальнымъ измѣнникамъ и предателямъ своего французскаго отечества. Къ величайшему ущербу для истинныхъ интересовъ Россіи, мы усвоили и неуклонно проводили именно нѣмецкую систему политики по отношенію къ нашимъ окраинамъ и такъ называемымъ инородцамъ и иновѣрцамъ, усовершенствованную еще примѣсью истинно средневѣковой религіозной нетерпимости. Мнѣ могутъ возразить, что судьба кампаніи рѣшается военною силою, а не большимъ или меньшимъ сочувствіемъ нейтральныхъ державъ политикѣ даннаго государства. Не таковъ очевидно, взглядъ на этотъ вопросъ германскаго правительства, иначе оно бы не тратило несмѣтныхъ милліоновъ на прогерманскую пропаганду во всѣхъ странахъ свѣта, даже самыхъ отдаленныхъ. Мы же не только ничего не противопоставляемъ этой пропагандѣ, но еще направленіемъ нашей внутренней политики которой мы продолжаемъ упорно держаться, даемъ въ руки этой пропаганды обильные доводы для возбужденія противъ нашего отечества общественнаго мнѣнія такой страны, какъ Соединенные Штаты Америки, единственной нейтральной великой державы, и Швеціи, нашей ближайшей сосѣдки. Невозможно допустить, чтобы наше Правительство

не отдавало себѣ отчета въ томъ, что самая искусно веденная и богатѣйшими средствами обставленная пропаганда, направленная противъ насъ въ этихъ странахъ, не приноситъ нашимъ интересамъ, слѣдовательно, и интересамъ нашихъ солидарныхъ съ нами союзниковъ и десятой доли того вреда, который причиняетъ этимъ интересамъ наше отзывающееся темными временами средневѣковья отношеніе къ еврейскому населенію Россіи и наше систематическое насилованіе правосознанія финляндскаго населенія. Спрашивается, отчего же Правительство не находило возможнымъ давно уже покончить съ этими жгучими вопросами, рѣшительно и навсегда, какъ оно, наконецъ, и, увы, сколь запоздало, порѣшило съ вопросомъ объ автономіи Царства Польскаго? Это можетъ объясняться лишь тѣмъ, что Правительство не рѣшалось порвать съ традиціонною политикою, столь любезною воинствующему націонализму, имъ же взлелѣянному. Поэтому на Законодательныхъ Учрежденіяхъ лежитъ обязанность придти въ этомъ отношеніи на помощь Правительству и взять на себя иниціативу внесенія законопроектовъ объ отмѣнѣ всѣхъ ограничивающихъ права евреевъ законоположеній, распоряженій и пр. и объ отмѣнѣ касающагося Финляндіи закона 17 іюня. Проведеніе этихъ мѣръ несомнѣнно весьма существенно облегчило бы лежащую на Правительствѣ тяжелую задачу въ области международныхъ отношеній и было бы встрѣчено съ живѣйшимъ удовлетвореніемъ нашими доблестными союзниками, несокрушимое и полное во всѣхъ отношеніяхъ единеніе съ которыми должно быть краеугольнымъ камнемъ всей нашей политики и является необходимымъ условіемъ успѣшнаго веденія борьбы, которую мы сообща рѣшили неуклонно довести до побѣдоноснаго конца. Но намъ необходимо помнить, что эта великая европейская война есть не только борьба интересовъ, но и борьба идей и принциповъ. *Въ борьбѣ противъ попирающаго всякое право германскаго милитаризма и противъ покушеній на свободу и независимость слабыхъ Россія стала на сторонѣ права и свободы вмѣстѣ со своими доблестными союзниками, и для торжества идей, за которыя мы боремся сообща, необходимо, чтобы и въ Россіи болѣе не было безправныхъ и угнетенныхъ.*

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПАРУСЪ“.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 64.

Цѣна 3 рубля.